

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Агент возмездия

Марина С. Серова
АГЕНТ ВОЗМЕЗДИЯ
Серия «Мисс Робин Гуд»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183292
Агент возмездия : Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-36941-6*

Аннотация

Веру замучили слухи и сплетни. С некоторых пор соседи сторонятся ее или шушукаются за спиной. Любимый ушел без объяснений. Кроме того, Веру гонят со всех мест работы, хотя она старательна и дорожит ею, как никто другой: ее маленький сын нуждается в постоянном лечении. Куда бежать, кому жаловаться? Помочь может, пожалуй, только Полина Казакова, известная в городе как Мисс Робин Гуд. Казакова всегда на стороне обиженных и беззащитных. Первое, что предпринимает Полина, это возвращает доброе имя женщины. А вот разобраться с остальными проблемами клиентки куда сложнее: за всем этим, как оказывается, стоит городская элита, с которой шутки плохи...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	53
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Марина Серова

Агент возмездия

Глава 1

Когда в девять утра раздался звонок в дверь, я подумала, что это скорее всего пожаловала моя подружка Алинка. Вчера она начала что-то щебетать мне по телефону о Максиме. Наверное, так звали ее нового бойфренда. Я была за рулем, поэтому не стала ее долго слушать, но пообещала перезвонить, вернувшись домой. Только забыла это сделать. Похоже, у Нечаевой за ночь не пропала потребность высказаться, вот она и явилась сюда с утра пораньше, чтобы застать меня на месте еще тепленькую, только что вставшую с постели.

Сопровождаемая трелью нетерпеливого звонка, я спустилась на первый этаж, прошла в прихожую, посмотрела на монитор домофона и поняла, что ошиблась. Ранняя визитерша была мне незнакома. В нашем коттеджном поселке не бывает случайных людей. Их просто-напросто не пропустит охрана. Но стоит назвать адрес и фамилию того, к кому направляется гость, перед ним тут же распахиваются ворота.

В последнее время в наш дом все чаще и чаще приходят незнакомые люди, мои клиенты. Нет, я не портниха и не маникюрша, практикующая на дому. У меня юридическое об-

разование, но я не адвокат и не частный детектив. Мои услуги эксклюзивны...

– Вы к кому? – уточнила я через переговорное устройство домофона.

– К Казаковым. Вы, наверное, Полина Андреевна?

– Да, проходите, пожалуйста, – сказала я, решив, что это и есть моя потенциальная клиентка, и нажала на кнопку.

Вскоре передо мной предстала женщина, возраст которой было трудно определить с первого взгляда. Где-то между тридцатью и сорока.

– Здравствуйте, – сказала она, остановившись на пороге и пряча за спину какой-то пакет.

Я подумала, что клиентка не слишком состоятельная. Впрочем, платежеспособность была не главным критерием моего отбора.

– Доброе утро. Проходите, не стесняйтесь. Вас как зовут?

– Вера, – представилась она без всякого отчества, хотя была определенно старше меня. – Вера Прошкина. Вас ведь предупредили обо мне?

Я мило улыбнулась, застигнутая этим вопросом врасплох. Меня никто не предупреждал о ее визите. Может, Алинка собиралась сделать это, а я не выслушала свою подружку как следует. Пустяки, я приму Веру без всяких рекомендаций. На ее усталом лице написано, что она пришла по адресу. Пожалуй, провожу ее в гостиную, обставленную в стиле кантри...

Женщина сняла пальто, повесила его на вешалку, затем достала из своего пакета разношенные комнатные тапочки и принялась разуваться. Такая предусмотрительность меня несколько обескуражила. К нам в дом еще никто не приходил со сменной обувью.

– Я готова, – сказала она, поднимая с пола чем-то набитый пакет. – Полина Андреевна, хочу сразу вас предупредить, что мне удобней жить у себя дома.

После этой фразы я окончательно убедилась в том, что чего-то недопонимаю. Зачем она переобулась в тапочки? И почему оправдывается, что не сможет ночевать здесь? Я на такую постоялицу и не рассчитывала. Неужели у нее с головой не все в порядке? С такими людьми надо быть осторожнее.

– Да, Вера, разумеется, вы будете жить у себя, – подтвердила я, – мы с вами для начала просто поговорим, вы расскажете мне о себе. Проходите, пожалуйста, в гостиную.

– Ой, а можно сразу к работе приступить? Я хотела бы вернуться в город не позже трех часов дня.

– К какой работе? – уточнила я, уже не сомневаясь, что эта женщина не в себе.

– Мне в принципе все равно. В моем случае выбирать не приходится. Уборка так уборка, готовка так готовка. Могу постирать, погладить, – продолжила Вера, но, заметив на моем лице недоумение, которое я уже не могла более скрывать, уточнила: – Так вас предупреждали обо мне или нет?

– Нет, – честно и откровенно призналась я.

– Странно, но ведь Бабенко сказал, что позвонит Владилену Аристарховичу, вашему дедушке...

– Аристарху Владиленовичу, – поправила я. – Дело в том, что я с дедом со вчерашнего дня не виделась. Он вернулся домой, когда я уже спала.

Следовало сказать не «уже», а «еще», потому что мой дедуля вернулся из казино под утро. Когда хлопнула дверь его спальни, находящейся по соседству с моей, я проснулась, посмотрела на электронные часы, поняла, что вставать еще рано, повернулась на другой бок и снова провалилась в сон.

– Но вам ведь нужна домработница, так? – уточнила Вера.

– По правде говоря, у нас с дедом таких планов не было. Но если вас прислал Стас, то я начинаю кое-что понимать... Вера, знаете, я, пожалуй, не буду вас ничем утруждать. Вы можете прямо сейчас ехать домой, а я скажу Бабенко, что вы честно отработали этот день.

Я думала, что мои слова обрадуют женщину, но они ее расстроили. Прошкина стояла на том же месте, прижимала к груди пакет и уходит, кажется, не собиралась. Вот странная!

– Полина Андреевна, – залепетала она, глядя в пол, – я так рассчитывала на эту работу. Выходит, что зря. Оказывается, вам не нужна домработница. Станислав Викторович ошибся. А я, дурочка, обрадовалась, потратилась на моющие средства, на проезд в ваш поселок. Ладно, простите, что я вторглась к вам без предупреждения, отвлекла от дел...

Я смотрела на женщину, готовую вот-вот заплакать из-за

необоснованных трат, и меня пробрала к ней такая жалость! Может, предложить ей денег? Просто так, безвозмездно. Пожалуй, она откажется, потому что хотела заработать их честным трудом. Лицо Прошкиной сделалось таким несчастным и растерянным, что я задалась вопросом – а почему бы и нет? Профессиональная уборка не мешает нашему дому, а передо мной, чувствуется, стоит профи в вопросах наведения чистоты. Словом, клининг-менеджер. Кажется, теперь так красиво и уважительно называют представителей этой профессии.

– Вера, знаете, я тут подумала, пожалуй, я нанимаю вас, – при этих словах Прошкина подняла на меня удивленный взгляд, – но пока для разовой уборки дома. Вы согласны?

– Конечно, – женщина тут же ухватила за мое предложение. – Я готова прямо сейчас приступить к делу. Не зря ж я сюдаехала! С чего мне начать?

– Со столовой, – сказала я и проводила туда работницу.

Вера достала из пакета тряпки, салфетки, пузырьки с моющими средствами, окинула оценивающим взглядом помещение и первым делом принялась за мытье кафеля на стене кухни. Минут пять я наблюдала за ее усердным трудом, а потом пошла к деду. У меня наметился с ним очень серьезный разговор.

Ариша, так ласково называю я своего деда, – карточный игрок с огромным стажем. Стас Бабенко тоже. В мою голову закралось подозрение, что дедуля просто-напросто выиграл

у него в карты домработницу. Такое уже однажды было. Карточный долг – это святое, но я категорически против того, чтобы в игре делались подобные ставки. Так я Арише и сказала в прошлый раз. Мы не рабовладельцы! Мне казалось, что он меня понял.

Я постучала в дверь дедовой спальни. Никакого ответа на мой стук не последовало. Пришлось зайти без приглашения. Ариша спал мирным сном младенца.

– Эй! – я легонько потрепала его по плечу. – Просыпайся!

Никакой реакции. Похоже, дедуля пришел домой подшофе. Будить его, конечно, было жалко, но ситуация настойчиво требовала Аришиных объяснений. Мне запоздало пришло в голову, что Вера может оказаться какой-то аферисткой. В таком случае стоило закрыть на ключ двери наших гостиных, ведь там имелись антикварные ценности и просто дорогие предметы интерьера.

– Ариша, ну, просыпайся же ты! – я уже чуть ли не трясла деда за плечи.

– Что? Где? – встрепенулся он. – А, Полетт, это ты... Который час?

– Десятый.

– Утра или вечера? – уточнил он сквозь дрему.

– Утра, конечно!

– Так еще рано, – сказал дедуля, зевнув. – Я покемарю еще часок-другой.

– Ариша, просыпайся! Мне надо с тобой очень серьезно

поговорить.

– Потом, ладно? – попросил мой прародитель, перевернулся на другой бок и подоткнул под себя край одеяла.

– Нет, именно сейчас! – я стала стягивать с Ариши одеяло. – Дело срочное.

– Если нужны деньги, то возьми их во внутреннем кармане моего смокинга, – пробормотал он и попытался накрыться с головой.

У нас разыгралась настоящая борьба за одеяло.

– Дедуля, скажи, а кроме денег, ты больше ничего не выиграл?

– Ты имеешь в виду «БМВ», суперприз казино? Нет, конечно, это практически невозможно.

– Нет, я имею в виду услуги домработницы.

Дед прекратил закрываться, повернулся, приподнялся на локтях, посмотрел на меня затуманенным взором и стал недовольно вопрошать:

– Полетт, ну, чего ты от меня хочешь в такую рань? Чего ради ты меня разбудила и задаешь какие-то странные вопросы? Неужели не видишь, я еще толком не пришел в себя?

– Вижу, и это меня сильно огорчает. Ты же обещал, что перестанешь возвращаться домой так поздно, что не будешь пить...

– Ты растормошила меня, чтобы читать нравоучения? – опешил дед. – Прямо-таки садистские замашки.

– Я всего лишь хотела у тебя уточнить, с какой целью Стас

Бабенко прислал к нам домработницу.

— Не знаю. А что, он кого-то прислал? — Ариша с удивлением посмотрел на меня, и я поняла, что он тоже не в теме.

— Да, представь себе! И сейчас эта женщина наводит лоск в нашей столовой.

— Странно, а почему он меня не предупредил?

— Понятия не имею. Но Вера сказала мне, что Бабенко тебе звонил или собирался позвонить...

— Звонил? — дед обхватил голову руками. — Ну, да, конечно, он мне звонил, но я не помню, что он мне сказал. Полетт, ты не волнуйся, я сейчас все у него выясню. Хотя, честно говоря, мне непонятны мотивы такого поступка. Стас мне ничего не должен, а я никогда не говорил ему, что нам нужна прислуга. По-моему, ты сама прекрасно со всем справляешься. Подай-ка мне трубку! Сейчас я все выясню.

Я оглядела спальню, нашла радиотелефон и протянула его Арише. Он взял его, но звонить не спешил — протирает сонные глаза, прокашливался и вопросительно поглядывал на меня. Мол, ты забыла правила этикета? Нет, я их не забыла, поэтому удалилась из спальни, но остановилась за закрытой дверью и прислушалась. Как бы он не отбросил телефон в сторону и не лег снова в постель. Услышав дедулин голос, я поняла, что к нему окончательно вернулась трезвость мышления, несколько успокоилась и стала тихонько спускаться вниз.

Скорее всего, Вера действительно нуждалась в работе, вот

Бабенко ей и посодействовал в трудоустройстве, зная, что мы люди не бедные и добросердечные, поэтому его протекте не откажем. Потом, площади у нас большие, два этажа все-таки, помощница по хозяйству не помешает. Ариша считает, что я сама прекрасно справляюсь с домашними делами. Ему, как и любому мужчине, кажется, что поддержание порядка в доме – это необременительная обязанность женщины. Достаточно пару раз махнуть тряпкой, чтобы все заблестело и засверкало. Ну уж нет! Это занятие отнимает жутко много времени. Когда я занята клиентами, то мне на них даже двадцати четырех часов в сутки не хватает, а на грязную посуду и пыльную мебель вообще не остается ни минуточки. Потом, работа у меня в некотором смысле творческая, а бытовые заботы, как известно, убивают вдохновение. Пожалуй, я бы уже давно наняла домработницу, даже несмотря на то, что в нашем семейном бюджете появилась бы новая статья расходов. Меня всегда останавливало только одно – постороннему человеку в доме надо безоговорочно доверять...

Внезапно появившись в дверях столовой, я удостоверилась в том, что Вера не рыскает по шкафчикам, а самозабвенно наводит чистоту, напевая себе что-то под нос.

– Ой, как чисто! – воскликнула я, чтобы заявить о своем присутствии.

– Я здесь скоро закончу. Думаю, сегодня я успею на обоих этажах прибраться. Пылесос у вас есть?

– Конечно. Но ограничимся только первым этажом, на

втором я вчера уборку делала, — я, конечно, соврала. Но не пускать же сразу чужого человека на свою личную территорию!

— Тогда я успею что-нибудь приготовить на обед или ужин, — уверенно заявила Вера. — Вы только скажите, что хотите.

Услужливость женщины была понятна. Она очень старалась мне понравиться, чтобы я наняла ее на постоянную работу. Это, конечно, заманчиво, но надо сначала выяснить, откуда эта Вера вообще взялась. Действительно ли она от Бабенко?

— Нет, готовить ничего не надо. Сосредоточьтесь только на уборке. Пойдемте, я дам вам пылесос.

Вскоре вниз спустился Ариша, лицо у него было слегка ошарашенное. Мы уединились с ним в самой дальней гостиной, и дедуля стал вещать:

— Полетт, все совсем не так, как ты подумала. Стас прислал к нам Веру вовсе не для того, чтобы мы наняли ее в качестве прислуги.

— А для чего?

— Он прислал ее конкретно к тебе, ей нужна твоя специфическая помощь. У Прошкиной большие проблемы, а в милицию с ними не пойдешь. Так что она на сто процентов твоя клиентка, если, конечно, тебя не смущает ее плачевное материальное положение.

— Вера сказала, что у нее только одна проблема — отсут-

ствие работы... Но я же не биржа труда. Что-то я не въезжаю в ситуацию.

– Сейчас я тебе все объясню. Вера работала в ресторане Стаса посудомойщицей. Устроилась туда неделю назад, никаких претензий у него к Прошкиной не было. Напротив, он был ею очень доволен. Аккуратная, неконфликтная... А вчера к нему в ресторан пришел человек, сунул под нос милицейские корочки и потребовал, чтобы Бабенко в тот же день рассчитал конкретно эту посудомойщицу. В противном случае он пообещал Стасу разные неприятности, вплоть до закрытия ресторана.

– Ничего себе заявочки! И Бабенко сразу встал перед ним на задние лапки?

– Полетт, ты же знаешь, что для Стаса значит «Сытый слон». Как долго он шел к тому, чтобы его заведение стало самым популярным в городе! Неужели лишиться всего из-за какой-то посудомойщицы? – сказал Ариша и с опаской оглянулся на дверь.

– За шумом работающего пылесоса ничего не слышно, – успокоила я. – Хорошо, Бабенко я могу понять. Но согласись, Ариша, требование все-таки очень странное. Кому Вера вдруг помешала в ресторане? Она же не шеф-повар, который может отравить, и не официантка, которая отказалась от свидания с посетителем ресторана. Прошкина всего лишь мыла грязную посуду. Думаю, за это место безработные не дерутся...

– Да, это какая-то загадка, – согласился со мной Ариша. – Тот человек не стал утруждать себя объяснениями. Выдвинул свое требование, пригрозил и был таков. Знаешь, а ведь закрыть учреждение общепита – пара пустяков! Санэпидемстанция легко найдет нарушения. Плюс к этому пожарники, налоговая... Но даже если там с этим все в порядке, то один скандал с мордобоем и битьем посуды заставит завсегдатаев «Сытого слона» забыть туда дорогу навсегда. Ты со мной согласна?

– В принципе, согласна, но ведь на того мента тоже можно найти управу. Ежу понятно, что он действовал исключительно в своих интересах и против закона.

– Это ты у нас юридически подкована, а Бабенко, застигнутый врасплох, растерялся и решил пойти по пути наименьшего сопротивления. Лично я его несколько не осуждаю. Тем более что Стас выплатил Прошкиной не только зарплату, но и выходное пособие, которое ей не было положено, и направил к тебе.

– А как Бабенко объяснил Вере причину увольнения? Сказал ей правду?

– В том-то и дело, что нет. Тот мент дал понять, что его визит не подлежит огласке. Стас наплел Прошкиной что-то про экономический кризис, про необходимость строжайшей экономии... Вера, конечно, расплакалась, запричитала, что ее уже не с первой работы увольняют, и тут до Бабенко дошло, что у этой женщины весьма серьезный недоброжела-

тель. Возможно, предыдущее увольнение не обошлось без его «помощи».

– Ясно, он решил, что Прошкиной нужны мои услуги. А Вера была так расстроена, что толком ничего не поняла. Вот теперь все встало на свои места. Что ж, придется мне взять на себя эту нелегкую миссию – раскрыть ей глаза на то, что явилось поводом для увольнения из «Сытого слона».

– Полетт, ты с этим справишься, – заверил меня Ариша. – Кстати, что у нас там с завтраком?

– Поздно ты встаешь, однако. Вериными стараниями столовая так блеснит, что жалко снова посуду пачкать. О, кажется, она закончила уборку в гостиной рококо! Надо проводить ее в другую гостиную.

– Значит, мне теперь летать по воздуху, к тому же голодным?

– Нет, конечно, пойдем, я тебя накормлю.

* * *

Когда Прошкина закончила уборку на первом этаже, я расплатилась с ней, чтобы в дальнейшем между нами не стоял финансовый вопрос, и с самым благожелательным видом пригласила ее в гостиную, выполненную в стиле кантри.

– Вера, присаживайтесь, пожалуйста, – я показала рукой на кресло у окна. – Нам надо поговорить.

– Что-то не так? – Прошкина настороженно огляделась

по сторонам, отыскивая огрехи в своей работе. – Я сделала здесь что-то не то? Кажется, ваза стояла в другом месте. Переставить?

– Нет, не беспокойтесь, здесь все нормально. У меня нет к вам никаких претензий...

– Станислав Викторович тоже так сказал мне, а потом извинился и уволил. Полина Андреевна, я догадываюсь, что вы хотите сделать то же самое. Знаете, я, пожалуй, пойду. Все ясно без слов. Мне некогда здесь рассиживаться. Надо сына забрать...

– Вера, постойте, – я мягко взяла ее за руку. – Бабенко кое-что рассказал. По-моему, у вас имеются проблемы, так?

– Я не привыкла жаловаться, – с чувством собственного достоинства сказала Прошкина. – Да, мой сын – инвалид, но больше всего я не люблю, когда нас начинают жалеть.

– Стас ничего не говорил о вашем ребенке. Он просто объяснил, почему уволил вас.

– Финансовый кризис, – обреченно вздохнула Прошкина. – Сейчас все работодатели на него ссылаются.

– Да, это очень удобный повод, – согласилась я. – Вера, простите меня за откровенный вопрос... У вас есть враги, недоброжелатели?

– Нет, – ответила женщина, не раздумывая. – С чего вы это взяли?

– Я буду с вами откровенной. В ресторан «Сытый слон» приходил человек с милицейскими «корочками» и потребо-

вал, чтобы вас немедленно рассчитали. Вы знаете, кто это был? – как можно мягче спросила я.

От неожиданности Вера плюхнулась в кресло и уставилась на меня ничего не понимающими глазами. Она долго думала, будто переводила мои слова с иностранного языка, а когда перевела и вникла в их смысл, спросила:

– Полина Андреевна, вы это серьезно?

– Разумеется, – подтвердила я. – Вера, вы можете быть со мной откровенной. Я хочу вам помочь разобраться с тем человеком, чтобы впредь ничего такого не происходило.

– Нет, этого просто не может быть. Я ни с кем не ссорилась, никому не грубила, мыла посуду и мыла...

– То есть вы без понятия насчет того, кто это был? – уточнила я, и Прошкина кивнула. – Вера, а где вы работали до ресторана?

– Много где. Вообще-то по образованию я музыкальный педагог, но семейные обстоятельства вынудили меня уволиться из музыкальной школы сразу после декретного отпуска. Я не могла отдать Мишу в садик, поэтому стала искать работу с неполной занятостью, своей специальностью пришлось пренебречь...

– Понятно, а непосредственно до ресторана вы где работали?

– В одной коммерческой фирме, уборщицей... Так что уборка для меня дело привычное.

Кажется, она продолжала надеяться, что я оставлю ее дом-

работницей. Я же решила, что пришло время приоткрыть перед ней завесу...

– Вера, я не случайно задаю вам эти вопросы. И Стас Бабенко прислал вас ко мне не случайно. Дело в том, что я помогаю людям решать их проблемы.

– Какие проблемы?

– Такие, с которыми больше пойти некуда. Ну, чтобы вам было понятней, я назовусь вам как мисс Робин Гуд.

– Мисс Робин Гуд? – переспросила Прошкина, кажется, запутавшись еще больше. – Что это значит? Нет, я решительно ничего не понимаю!

– Я помогаю людям добиться справедливости, когда закон оказывается бессилем. Вера, у вас есть недоброжелатель. Он как минимум один раз лишил вас работы и, вероятно, на этом не остановится...

Прошкина молчала, она лишь качала головой из стороны в сторону, давая понять, что не согласна со мной. Это меня удивляло. Если у человека есть заклятый враг, он хорошо знает его имя. Неужели Вера на самом деле ни сном ни духом насчет того, кто ее лишил работы и почему?

– Полина Андреевна, у меня нет никаких недоброжелателей, – наконец вымолвила женщина. – Напротив, вокруг очень много добрых людей. Просто в моей жизни настала черная полоса. Такое бывает, надо только немного подождать, и все образуется... Главное, чтобы интернат не закрыли, а остальное все пустяки... Работу я найду...

– Интернат? Какой интернат?

– Мой сын учится в школе-интернате для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата.

– Это в том, что на Стрелковой улице?

– Да, – кивнула Вера, – так вот его собираются закрыть.

– А как же дети?

– Распределят по другим учреждениям области. Если это случится, то мне придется забирать Мишеньку домой только на каникулы. Я не представляю, как перенести эту разлуку, да и для Миши это будет большим потрясением. Потом, я его здесь в бассейн вожу, на конюшню...

– На конюшню? – удивилась я.

– Да, катание на лошадях без седла очень благотворно действует на детей с ДЦП. Я уже давно познакомилась с одной фермерской семьей. У них дочка с таким же заболеванием, так они специально для нее купили пони. Прогресс стал заметен уже через несколько месяцев. Девочка начала передвигаться, пусть и с посторонней помощью. Тогда эти люди купили еще несколько пони и лошадей и стали за символическую плату катать детишек с детским церебральным параличом. Моему сыну такая «конетерапия» тоже пошла на пользу. А в другом городе кто будет с Мишенькой заниматься? Боюсь, что там его состояние может ухудшиться...

– Значит, у вашего сына детский церебральный паралич?

– Да, врачи считали, что он никогда не сможет самостоятельно передвигаться, обслуживать себя... Но я столько тру-

да в него вложила! Мишенька ходит, да, не так, как здоровые дети, но и это для нас счастье! Ему восемь лет, а он даже мне старается помогать...

– Вера, а где ваш муж?

– Я не была замужем. Мы жили в гражданском браке. Хотели оформить наши отношения после рождения ребенка, но не случилось. Как только Андрей узнал, что у сына ДЦП, сразу же бросил нас. Сказал, что ему такая обуза ни к чему.

– Но хоть материально он вам помогает?

– Нет.

– Но как же так?

– Наверное, я в этом сама виновата. Когда Мише было полгода, Андрей принес ему пластмассовый паровозик, а я сказала, что лучше бы пачку подгузников купил. Он психанул и ушел.

– Так вы с тех пор не общались?

– Один раз общались, по моей инициативе. Мишеньке тогда пятый год шел, и ему требовались дорогостоящие лекарства. Я как раз только что маму схоронила, с деньгами совсем туго было... Занимать у кого-то не имело смысла, отдавать-то все равно нечем. В общем, я решилась на крайние меры, подкараулила Андрея около дома, рассказала о нашем сложном положении и попросила купить сыну лекарства. – Вера замолчала, ее губы задрожали.

– Он вам отказал? – предположила я.

– Да, Барсуков заявил, что стоит только раз пойти у меня

на поводу, так я возьму за правило тянуть из него деньги, а он не Центробанк. Я сказала, что прошу денег в первый и последний раз, причем не для себя, а для нашего сына, и впредь его не потревожу. Но Андрея это только взбесило. Он заявил, что на эту удочку его не поймаете, поскольку он совсем не уверен, что Миша его ребенок, обозвал меня и зашел в свой подъезд. С тех пор мы не поддерживаем никаких отношений.

– Извините, что своим вопросом я заставила вас рассказывать о человеке, который вас предал. Наверняка его образ ассоциируется у вас не с самыми приятными воспоминаниями...

– Знаете, мне со временем стало казаться, что это вообще не моя, а чужая история. Когда мы с Андреем случайно встречаемся в городе, то проходим мимо, не здороваясь, как будто никогда не были знакомы, – сказала Вера почти равнодушно. – У меня даже ненависти к нему не осталось. Только ощущение пустоты. Вы мне не верите?

– Ну почему же? Я знаю, что прошлое может быть слишком тяжелым, для того чтобы постоянно носить его с собой. От этого с ума сойти можно.

– Вот именно. Недавно мы с Андреем в приемной у депутата Дымова встретились, так внутри меня даже ничто не дрогнуло. А Барсуков меня, кажется, вообще не узнал.

– А что вы делали у депутата?

– Ну, я была там в составе инициативной группы. Мы про-

сили Дымова оказать поддержку в ремонте здания... Барсуков, наверное, тоже о чем-то просил. Он после нас был на приеме...

– Понятно. Ну и что сказал вам депутат?

– Обещал сделать все возможное, но пока никаких результатов. Если Дымов не поможет, то рассчитывать больше не на кого. Ой, что-то я совсем заболталась! Мне уже пора. Спасибо вам за все, Полина Андреевна!

– Так я же ничего для вас не сделала!

– Вы очень добрая. Мне уже доводилось работать в одном доме, так хозяйка постоянно всем недовольна была... Ладно, я пойду... А насчет вашего предложения, мисс Робин Гуд, то оно не для меня.

– Вера, по-моему, вы не хотите смотреть правде в лицо.

– Ну, какой правде? – измученно спросила Прошкина.

– Некий человек потребовал вас уволить. Бабенко понял, что тот не шутит, обещая неприятности. Стасу было нелегко сообщать вам об увольнении, но он это сделал. А вы проговорились, что на прошлом месте работы все получилось точно так же...

– Не совсем. Тогда я забыла в одном кабинете убраться, точнее, не смогла, потому что ключ не нашла...

– За это сразу не увольняют, самое большее делают выговор. Или было что-то еще?

– Нет, – Вера смотрела на меня честными-пречестными глазами. – Полина Андреевна, это у богатых людей бывают

враги, которые строят козни, чтобы завладеть их деньгами или занять их место... А кому я сдалась? Нет, все это какое-то недоразумение...

– Какое?

– Ну, может, меня с кем-то перепутал тот человек?

– Может быть, – сказала я и поняла, что продолжать дальше этот разговор бессмысленно. Прошкина была уверена, что полоса невезения в ее жизни скоро закончится без чьей-либо посторонней помощи.

Я проводила Веру и поднялась к деду. Он сидел в кресле-качалке и просматривал газету.

– Ну, так кто там объявил войну посудомойщице? – осведомился Ариша, глядя на меня из-под очков.

– Без понятия. Прошкина даже не догадывается, кто мог вынудить Бабенко ее уволить. Думает, что это просто недоразумение, поэтому от моей помощи она отказалась.

– Не догадывается, – не без скепсиса повторил дедуля. – Другая бы руками и ногами ухватилась за такую возможность, а эта отказалась. Странно!

– А что ты так удивляешься? Можно иметь зрячие глаза, но не видеть, что происходит вокруг. Она слишком поглощена заботами о больном ребенке и о хлебе насущном.

– У нее больной ребенок?

– Да, у него детский церебральный паралич. Отец, как узнал об этом страшном диагнозе, сразу дал деру. Алименты не платит, так как они в браке не состояли. В общем, Вера

крутится, как может.

– Значит, тот, кто вставляет ей палки в колеса, либо не знает этих обстоятельств, либо у него начисто атрофировалось чувство сострадания.

– Приметы так себе, – усмехнулась я.

– Это для нас с тобой опереться не на что, а Вера наверняка может составить список из двух-трех кандидатов.

– Я просила ее раскинуть мозгами, но без толку. По-моему, она не осознает всю серьезность ее положения. Может, я говорила с ней не на том языке?

– Ты наверняка сделала все, что могла. Не заикливайся на этом, все равно насильно никого не осчастливишь.

– А вдруг? Вера сказала, что интернат для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата хотят закрыть.

– Да? А почему?

– Не знаю. Она сказала, что детей распределяют по другим учреждениям области. Вера переживает, что окажется оторванной от сына и не сможет водить его в бассейн и в частную конюшню. Благодаря этим занятиям мальчик ходить научился, а в чужом городе он будет лишен такой терапии. Вряд ли персонал будет пестовать каждого ребенка.

– Скорее всего, нет. Значит, здесь Верин сын только учится в интернате, а живет дома? А если его закроют, то детей оторвут от родителей и переведут на пансион в другой город?

– Вот именно, Ариша, вот именно!

– Полетт, а не этому ли интернату ты перечисляла сред-

ства на благотворительный счет?

– Этому. Похоже, собранных денег на серьезный ремонт не хватило. Знаешь, я, пожалуй, схожу к директору и узнаю, что там и как.

– Фотографию свою не забудь.

– Зачем?

– Ты же говорила, что у тебя просили фотографию, чтобы повесить ее на доску почета.

– Ариша, хватит подкалывать! Я хочу узнать, не нужна ли интернату юридическая помощь. У них там есть инициативная группа, которая добивается сохранения интерната. Кстати, Вера в нее входит.

– Юридическая помощь – это хорошо. Не плохо бы еще поинтересоваться, на что ушли благотворительные деньги, – подсказал дед. – Может, директриса на них у себя дома евроремонт сделала или дачу построила?

– Ну что ты такое говоришь! Самойленко показалась мне такой порядочной женщиной. Было сразу видно, что она детей очень любит.

– Неужели ты думаешь, что в присутствии спонсора эта дама могла выказать равнодушие к больным детям?

– Нет, конечно. Но я чувствую лицемерие за версту... Анна Петровна производит впечатление искреннего человека... Раз уж у меня сейчас нет других дел, займусь пока интернатом.

– Да уж, киснуть в тепле обывательского болота – это не

для тебя, – съязвил Ариша, но я на него не обиделась.

– Самойленко говорила мне, что я в любое время могу прийти и узнать, на что потрачены благотворительные деньги. Вот я этим и поинтересуюсь.

– Благое дело. Отговаривать тебя не стану.

Глава 2

В школу-интернат я отправилась на следующий день. Прежде чем зайти, я придирчиво осмотрела фасад здания. Он выглядел так, будто по нему стреляли из пушки. На самом деле осыпавшиеся тут и там куски штукатурки были свидетельством естественного разрушения. Помнится, директриса обещала, что если останутся средства, то фасад обновят. Похоже, средств не осталось. А вот вестибюль произвел на меня самое благоприятное впечатление. Там было светло и чисто, хотя беленый потолок и крашенные стены так и отдавали совковостью.

– Девушка, вы за кем? – поинтересовалась у меня вахтерша, сидевшая при входе за стареньким письменным столом. – Что-то я никогда вас здесь не видела.

– Я не за ребенком, мне надо к директору. Анна Петровна у себя?

– У себя. Как ей вас представить? – уточнила пожилая женщина, пододвигая к себе черный телефонный аппарат с диском.

– Полина Казакова.

– Минуточку, – вахтерша набрала номер и сказала: – Анна Петровна, тут к вам Полина Казакова пришла. Пропустить? Проходите, пожалуйста, на второй этаж, в левое крыло. Лестница там, – вахтерша махнула рукой.

– Я знаю, спасибо.

Монументальная чугунная лестница начиналась в центре вестибюля и широким маршем крутых ступеней стремительно поднималась вверх. В прошлый раз я подумала о том, что детьми с различными нарушениями опорно-двигательного аппарата эта красивая лестница наверняка воспринималась как некое препятствие, требующее преодоления. Теперь я заметила, что с одной стороны ее оборудовали пандусом для инвалидов колясок. Это меня порадовало.

Я постучала в дверь и услышала приглашение войти. Директриса сидела за столом, обложенным кипами бумаг.

– Здравствуйте, Полина Андреевна, – сказала она, грустно улыбнувшись. – Вы решили нас навестить?

– Я слышала, что интернат хотят закрыть, – сказала я, усаживаясь напротив хозяйки кабинета, по другую сторону ее стола, точно такого же старого, как у вахтерши.

Невозможно было не заметить, что Самойленко ни копейки не потратила из благотворительных денег на ремонт и новую мебель для своего кабинета. А ведь могла бы!

– Да, к сожалению, это так, – подтвердила Анна Петровна.

– А чем мотивировано такое решение?

– Причин несколько, основная, конечно же, – недостаток финансирования. На те пожертвования, что мы собрали, удалось полностью модернизировать пищеблок, отремонтировать лифт, поставить пандусы, ну и кое-что еще по мелочам. Фасад, как вы, наверное, заметили, остался прежним. А ведь

это лицо здания... Поначалу нас хотели перевести в бывший профилакторий маслозавода, но потом и вовсе решили расформировать.

– А как же дети?

– Понимаете, учреждение у нас специфическое, коррекционное, поэтому наполняемость классов разная. Где-то пятнадцать человек, а где-то – два-три. А оплата труда учителя сейчас во многом зависит от количества человек в классе. Такая же картина в других райцентрах. Вот в области кто-то решил, что целесообразно сделать уплотнение, объединить несколько интернатов... Но никто не подумал о том, что переезд в другой город, отрыв от семьи – это такой стресс для больного ребенка! На этой почве состояние детишек может значительно ухудшиться. Про персонал я уж молчу. А ведь пятьдесят с лишним человек останется без работы! Вот, – Самойленко придвинула ко мне исписанный листок, – сижу, пишу письма в разные инстанции. Понимаю, надо строго соблюдать тон деловой переписки, но эмоции захлестывают. Уже столько бумаги на черновики извела...

– Анна Петровна, я как раз и пришла затем, чтобы оказать вам юридическую помощь. Если хотите, я подкорректирую ваши черновики, затем напечатаю письма на компьютере.

– Ой, это как раз кстати! У нас был один-единственный компьютер, но он сломался.

Раздался звонок с урока, и в приоткрытую дверь директорского кабинета ворвался гам, присущий обычной школь-

ной перемене.

– Поверить не могу, что это последний учебный год в этих стенах. Зданию уже более ста лет. Если бы оно постоянно поддерживалось текущим ремонтом, то оно было бы крепче современных. Раньше строили на века. Каких организаций тут только не было! И пансион благородных девиц, и Совнарком, и военный госпиталь, и рабочее общежитие, а последние двадцать лет его занимает наш интернат.

– Вероятно, это здание имеет историческую ценность, – сказала я, разглядывая полуразрушенную лепнину по периметру потолка. – Странно, что его решили снести.

– Сейчас, как это ни печально, совсем другие ценности на первом плане. Все поголовно говорят об экономическом кризисе, а по-моему, налицо кризис нравов.

– Согласна с вами. И все-таки, – я не спешила выпускать из виду зацепку, показавшуюся мне единственным шансом спасти здание, – вот вы сказали, что здесь был пансион благородных девиц... Мне кажется, это уже дает основание причислить его к историческим памятникам. В Горовске не так уж много старинных зданий осталось. Мне кажется, на это надо обратить внимание соответствующих органов.

– Пустое, – отмахнулась Анна Петровна, – здесь уже никто и не помнит историю. А я знаю про этот пансион, потому что моя прабабушка в нем обучалась.

– В архиве наверняка есть об этом сведения.

– Несколько лет назад наш учитель истории с головой зарылся в городском архиве, пытаясь отыскать информацию о прошлом нашего здания, чтобы сделать стенд. Увы, самые ранние документы датированы сорок вторым годом, а все, что было до этого, кануло в Лету.

– Жалко, но ничего, я попробую сделать запрос в областной архив.

– Полина Андреевна, вы так много для нас делаете! Даже не знаю, как вас благодарить.

– Ну, что вы, какая благодарность! Я ничего особенного не делаю. Давайте ваши черновики, – попросила я, поспешив замять эту тему.

* * *

На следующий день с утра пораньше мне позвонила Алин-ка и спросила:

– Полина, ну так ты созрела насчет «Максима»?

– Подожди, а «Максим» – это кто?

– Не кто, а что, – поправила меня Нечаева. – «Максим» – это супермаркет, недавно открывшийся в областном центре. Я же говорила тебе о нем по телефону.

– Извини, я забыла.

– Поля, давай съездим сегодня в областной центр, целенаправленно в «Максим», – предложила Алина.

– Судя по названию, это чисто мужская территория.

– Ошибаешься. Просто там все по максимуму.

– В том числе цены?

– Полина, не прибедняйся!

– Ладно, – согласилась я, хотя ходить с Нечаевой по магазинам – это совершенно невыносимая пытка.

Моя подруга, твердо уверенная в том, что стиль делают модные бренды, даже в самых дорогих бутиках без всякого стеснения выворачивает брюки, юбки, блузки наизнанку и проверяет их принадлежность к той или иной марке, будто собирается носить лейблами наружу. Потом, набрав кучу дорогущих шмоток, она часа на два, а то и на три застревает в примерочной кабинке, но в итоге может ничего не купить. Не потому что дорого, а потому что предварительно отобранные ею вещи не сочетаются друг с другом или вообще не нужны Алинке.

– Полина, ты прелесть! Заезжай за мной немедленно. Я жду, – сказала Нечаева и отключилась.

Собравшись, я предупредила дедулю, что меня не будет дома весь день, села в «Мини-купер» и поехала за подружкой. Запрыгнув ко мне в машину, она принялась безудержно изливать мне свою душу:

– Чтоб я еще кому-нибудь стала рекламировать свою педикюру! Никогда!

– А что такое?

– Поля, представляешь, я вчера оказалась в очереди позади тех, кому дала ее телефон!

– И что?

– Нет, Полина, ты все-таки такая странная!

Я не стала спорить, тем более что Алинка тут же перепрыгнула на другую тему. Все два часа, пока мы ехали из Горовска в областной центр, она потихоньку выклевывала мне мозги своей суматошной болтовней. Но что еще ждало меня впереди! Мои слова о том, что в «Максим» я пойти не смогу, поскольку у меня есть другие, более важные дела, Нечаева не расслышала, схватила меня за руку и потащила вперед, к двери, украшенной воздушными шариками. Пришлось составить ей компанию. Впрочем, все было, как всегда.

– Хорошая юбка, но у меня уже есть штуки три или четыре в том же стиле и цвете. Я хотела что-нибудь совершенно другое.

– Слушай ты, жертва рекламной бомбежки, надо было на фасон и цвет смотреть, а не на фамилию модельера!

Нечаева сначала фыркнула, а потом согласилась со мной, сказав, что в следующем бутике так и сделает.

– Алина, мне надо оставить тебя на часок. У меня тут есть одно дельце...

– Если ты в салон красоты, что на первом этаже, то я с тобой.

– Нет, мне в архив позарез надо заскочить.

– В архив? – Нечаева опешила. – Зачем?

– Я сейчас одним делом занимаюсь, надо кое-какие доку-

менты разыскать, — пояснила я.

— Ну, хорошо, в архив иди одна, — милостиво разрешила подружка, остановив свой взгляд на высоком мужчине, разглядывающем джемпер на манекене.

— Как освобожусь, позвоню, — сказала я, но Алинка, кажется, меня не расслышала. Она устремилась к эскалатору, ведущему наверх. Туда же секунду назад направился объект, попавший в зону особого внимания моей влюбчивой подруги. Я стала спускаться вниз...

Когда я работала юрисконсультom на кирпичном заводе, мне доводилось делать запросы в областном архиве, так что его местонахождение и царящие там порядки мне были хорошо известны. Выстояв очередь из трех человек, я подала женщине в окошке заполненный бланк.

— Такую информацию мы сможем вам подобрать не раньше следующего вторника. Вас это устраивает?

— Конечно.

Выйдя из архива, я позвонила Алинке, убедилась, что она все еще находится в «Максиме», и поехала туда, чтобы со спокойной душой отдаться совместному шопингу. Нечаева первым делом продемонстрировала мне свой трофей — черную визитку, тисненную золотыми буквами.

— Чья это? — не сразу догадалась я.

— Помнишь того мужчину у манекена? Он искал здесь джемпер, а нашел меня.

— Скорее уж не он тебя, а ты его.

- Какая разница? Представляешь, а он горовчанин!
  - Поразительно.
  - Ладно, пойдем, я там себе такую блузку приглядела!
- Пытка совместным шопингом была продолжена.

* * *

На следующий день я вплотную занималась интернатом. Строчила письма в разные федеральные органы, потому что все местные инстанции Самойленко и ее группа поддержки уже прошли.

– Полина Андреевна, можно задать вам интимный вопрос? – спросила меня Анна Петровна, подписав письма.

– Конечно.

– Почему вы все это делаете?

– В смысле?

– У вас есть родственники или знакомые, у которых ребенок здесь учится?

– Ну, одна знакомая у меня есть, – я вспомнила про Прошкину, – но мы с ней совсем недавно познакомились. Она мне и рассказала, что интернат закрывают. Скажу вам честно, я помогаю не только вам, но и детскому дому. Когда мне было четырнадцать лет, я стала круглой сиротой. Мои родители погибли в автомобильной катастрофе. Правда, меня воспитывал дедушка...

– Простите. Я вижу, что вам больно об этом говорить.

– Ничего, все нормально, – сказала я, улыбнувшись.

На самом деле, мое сиротство – не единственная причина того, что я время от времени оказывала благотворительную помощь детям, больным или оставшимся без родителей. О второй причине я предпочитала не распространяться. А дело вот в чем. Мой горячо любимый дедуля иногда выигрывал в казино просто неприлично большие суммы. После этого он клал передо мной тугие пачки банкнот и ласково говорил: «Полетт, трать их на все, что тебе заблагорассудится!» Тратить-то эти деньги я тратила, но без удовольствия. Сколько раз я втолковывала Арише, что прожигать жизнь в казино – это неправильно! Но излечить его от любимого порока так и не смогла. В ответ дедуля лишь шутил, что родился с колодой карт в руках. Время от времени отдавая деньги, принесенные им из казино, на благотворительность, я смирилась с этими выигрышами как с основной доходной статьей нашего семейного бюджета.

Во вторник я снова поехала в областной центр и получила документы, свидетельствующие о том, что дом номер семнадцать по улице Стрелковой, в котором изначально находился пансион благородных девиц, был спроектирован известным архитектором Кошинским. Появился шанс спасти здание от сноса. Возможно, горовский интернат тоже удастся сохранить...

Я вернулась домой в приподнятом настроении. Загнала машину в гараж, открыла дверь и заметила у порога жутко растоптанные полусапожки. Подняла глаза и увидела знакомый серенький плащик. Он принадлежал Вере Прошкиной. «Значит, она вернулась, – подумала я, – чего и следовало ожидать».

Остановившись в арочном проеме столовой, я сказала:

– Добрый день! У нас, оказывается, гости?

– Здравствуйте, Полина Андреевна, – Вера оглянулась и посмотрела на меня совершенно измученным взглядом, который подтверждал, что черная полоса в ее жизни не закончилась сама по себе.

– Полетт, а мы тут чай пьем, – вступил в разговор Ариша, – о тебе не раз вспоминали. Тебе не икалось?

– Нет. Дедуля, что это ты гостей принимаешь на кухне? – спросила я, окидывая взглядом столовую. У меня возникло ощущение, что там все как-то преобразилось. Неужели Вера, ожидая меня, занималась наведением порядка?

– Ну я, пожалуй, пойду, – сказал дед, проигнорировав мой вопрос, и тут же поднялся из-за стола.

– Аристарх Владиленович звал меня в гостиную, – Прошкина не только стала незамедлительно его оправдывать, но и

обслуживать меня, наливая чай, будто была не в гостях, а на работе. – Но я подумала: к чему носить приборы туда-сюда? Не такая я уж важная гостья, могу и здесь чай выпить. Сколько вам ложек сахара? Я забыла, вы сладкий чай любите?

– Не очень. Спасибо, – я подвинула к себе чашку, – сахар я сама положу.

– Знаете, Полина Андреевна, а меня снова уволили. Вы как в воду глядели.

Я отпила глоток душистого чая, осмысливая сказанное. В принципе, в этом не было для меня ничего неожиданно-го. Просто в последнее время я была полностью поглощена интернатскими проблемами, и Вера с ее недоброжелателем отошли на задний план.

– Похоже, вы здорово кого-то разозлили, – заметила я и подумала, что теперь с ее глаз точно спала пелена. – Вера, вы уже догадываетесь, кого именно?

– В том-то и дело, что нет. За последнюю неделю на меня столько всего свалилось, даже не знаю, связано ли одно с другим или нет.

– А что еще случилось?

– Соседи, – Вера начала было рассказывать, но вдруг замкнулась.

– Что соседи?

– Они резко поменяли свое отношение ко мне. Я даже не пойму, что произошло.

– Вера, в чем конкретно это выражается?

– Мне трудно вам это объяснить...

– А вы попытайтесь.

– Я сейчас приведу вам несколько примеров. Как-то на прошлой неделе мы с Мишей спустились вниз, и мне показалось, что я забыла взять кошелек с деньгами. Я оставила сына на скамейке, со старушками, и пошла обратно. Но потом я вспомнила, что взяла кошелек, проверила сумку и практически сразу стала спускаться вниз. Полина, вы не представляете, что я услышала!

– Что?

– Соседки спрашивали Мишу, не бью ли я его. Он мотал головой из стороны в сторону, а они требовали, чтобы он признался в том, чего никогда не было. Баба Надя с третьего этажа была особенно настойчивой. Она убеждала Мишу, что найдет на меня управу, ему надо только во всем признаться. Обретя дар речи, я спросила, как же им не стыдно на меня наговаривать! Соседки мне ничего не ответили, тут же встали со скамейки и разошлись кто куда. А вот Миша расплакался. Ему трудно было понять, что происходит. Но это было только началом. На другой день я утром возвращалась из школы одна, увидела бабу Надю и только хотела спросить, что это на нее вчера нашло, но она меня опередила – стала мне такие обвинения бросать, что я их вам повторить даже не могу, – Прошкина закрыла лицо руками.

– Вера, я не настаиваю, чтобы вы повторяли каждое слово вашей соседки. Скорее всего, она в силу своего возраста не

совсем адекватна.

– Я сначала тоже подумала, что баба Надя свихнулась, но потом оказалось, что все соседи сошли с ума. Жильцы нашего дома ополчились на меня всем скопом. Старики, что под нами живут, стали жаловаться, что я не даю им никакого покоя – вроде бы постоянно кричу на сына, чем-то кидаюсь в него, а он плачет во весь голос. Вранье все это! – Вера шмыгнула носом.

– Успокойтесь, пожалуйста.

– Да как тут успокоишься? Если сначала каждый норовил упрекнуть меня в том, что я никудышная мать, что я жестоко обращаюсь с собственным сыном, а потом дело пошло дальше – меня стали обвинять чуть ли не во всех смертных грехах. Я в глазах соседей стала распутницей и даже воровкой. Три года мы жили в этом доме, никогда ничего из чужих почтовых ящиков не воровали, а тут вдруг стали этим заниматься. Чушь! – возмутилась Прошкина. – Но газеты – это еще ягодки, цветочки быстро созрели. Тузикова, соседка справа, обвинила меня в серьезной краже. Сама же пригласила меня к себе, попросила помочь ей с пирогами, а потом растрезвонила на весь подъезд, что я к ней внаглую навязалась, стащила банку дорожного кофе и вынула из кошелька тысячу. Да я никогда не смогу взять чужого! Умирать с голоду буду, но не возьму.

– Да, это уже нешуточные обвинения, – сказала я, и Вера метнула на меня испуганный взгляд. – Успокойтесь, я верю,

что вы на такое не способны. Мы с вами должны выяснить, кто из ваших соседей заварил всю эту кашу. Баба Надя? Тузикова?

– Нет, ложные обвинения Тузиковой стали последней каплей. Хотя от Ольги я такого никак не ожидала... Скорее уж, с бабы Нади все началось. Но что вдруг на нее нашло? – Прошкина развела руками. – Я не могу понять.

– Вера, а что у вас с работой?

– Я устроилась уборщицей, снова в коммерческую фирму. Когда собеседование проходила, мне сказали, что работа на два часа в день, которые я могу выбирать по своему усмотрению. Мне было удобно работать с девяти до одиннадцати, после того, как отведу Мишеньку в интернат. Три дня я так проработала, потом меня вызвала начальница отдела кадров и заявила, что надо убираться до начала рабочего дня. От своих прежних слов она отказалась. Новые требования меня никак не устраивали, поэтому пришлось уволиться. Мое заявление сразу подписали. Я заметила, что кадровичку даже обрадовало, что я не приняла ее условия. В общем, третий раз одно и то же, – подытожила Прошкина. – Знаете, Полина Андреевна...

– Давайте без отчества. Зовите меня просто Полиной, – предложила я и, кажется, спугнула Веру, она замкнулась. – Случилось что-то еще?

– Уж не знаю, стоит ли все мешать в одну кучу...

– Вы говорите, а я по ходу дела разберусь.

– У меня был друг, – сказала Вера, и ее щеки порозовели. – Мы с ним знакомы уже около года. Так вот, он меня бросил... ничего толком не объяснив.

Я подумала, что друзья обычно предают, а бросают мужья и любовники. Но умничать не стала, а только уточнила:

– Это произошло тоже на прошлой неделе?

– Чуть раньше, просто я это не сразу поняла. Недели две назад Павел обещал прийти ко мне, но не пришел и не позвонил. Я решила, что у него возникли какие-то неотложные дела... На следующий день я сама позвонила Алябьеву, он пробормотал что-то несвязное, но тогда я ничего не заподозрила. С тех пор он не давал о себе знать. Вчера я снова позвонила Павлу, а он сказал, что между нами все кончено, и отключился.

– Надо полагать, вы не просто дружили...

– Да, у нас были близкие отношения, – призналась Вера. – И с Мишей он тоже ладил... Я старалась не думать о нашем будущем, ничего не фантазировать себе, чтобы не сглазить... Не помогло.

– Вера, а может, это как раз Алябьев во всем замешан? – Мое предположение заставило Прошкину вздрогнуть.

– Нет! Павел не мог, он очень порядочный человек. Поверьте!

– Да я охотно поверила бы вам, только проверить не помещает. Хочу напомнить, что в «Сытый слон» приходил муж-

чина. Лет тридцати пяти, среднего роста, русоволосый... А вот как Алябьев выглядит?

– Павлу тридцать четыре года, он темно-русый, но вот рост у него высокий...

– Высокий? – переспросила я.

– Да.

– Вера, у вас рост небольшой. Думаю, где-то метр пятьдесят восемь. А Бабенко высокий – метр девяносто пять.

– Я поняла, к чему вы подводите. Мы со Станиславом Викторовичем можем говорить об одном и том же человеке, но характеризовать его по-разному.

– Вот именно.

– Полина, но ведь вы сказали, что в ресторан приходил милиционер. Значит, это не Павел, – Прошкина даже обрадовалась, что нашла такой сильный аргумент в защиту своего возлюбленного, пусть и бывшего. – Алябьев на железной дороге работает, телемехаником.

– Тот человек был одет в гражданскую одежду, но он показал удостоверение сотрудника милиции. Не исключено, что оно было поддельным.

– Нет, это не Павел! Я не представляю, чтобы он стал сознательно лишать меня работы, настраивать против меня соседей. Зачем ему это? Да и не в его это характере. Ну допустим, он встретил и полюбил другую женщину, – Вера начала размышлять вслух, – без ребенка. А у меня сын-инвалид. Пусть Павлу не хватило духу сразу во всем признаться, пусть

он думал, что молчание будет красноречивей слов. Но потом он сказал мне по телефону, что между нами все кончено...

– И все-таки расскажите мне поподробнее об Алябьеве. Что он собой представляет?

– Павел очень хороший человек, только не повезло ему в жизни. Его первая жена умерла в родах, дочку врачи тоже не спасли. Через несколько лет Алябьев женился во второй раз, причем официально усыновил ребенка супруги. Прожили они около года, а потом было как в анекдоте. Павел вернулся домой из командировки, а у жены любовник. В общем, они разошлись. Теперь Алябьев платит алименты на чужого ребенка. А познакомились мы с ним в жэке. Он был у паспортистки, а я пришла туда вызвать сантехника. Мне сказали, что сантехник придет только на следующий день, вот Павел и вызвался мне помочь. Кроме сантехники он мне столько всего починил!

– Ясно, мастер на все руки.

– Этого у него не отнять.

– Может, у Алябьева есть друзья или родственники в милиции?

– Нет, он никогда мне ни о ком таком не рассказывал. Полина, знаете, у меня есть его фотография. Что, если показать ее Станиславу Викторовичу?

– Она у вас с собой?

– Да, сейчас, – Вера потянулась за сумкой, достала потерянный кожаный бумажник, раскрыла его и показала мне две

небольшие фотографии, вставленные в специальные рамочки: – Это – Миша, а это – Павел.

– Сын очень похож на вас.

– Полина, это вы так говорите, потому что Барсукова не знаете. Миша – его копия. Мои только глаза.

– Вы можете дать мне на время фотку Алябьева?

– Конечно. Мне она больше ни к чему. – Вера вынула фотографию и добавила: – Наверное, ни к чему.

Кажется, она надеялась, что ее отношения с Павлом еще могут наладиться.

– Я покажу ее Бабенко и верну вам. Возможно, в ресторан приходил кто-то другой. Это мы скоро выясним, – сказала я и заметила, как воодушевилась Вера. – Я вот что еще подумала... Стоит вам только устроиться на новую работу, заинтересованное лицо сразу наступает вам на пятки. Вы с кем-то делитесь этой информацией?

– Нет.

– Вера, не спешите, подумайте.

– Павлу я даже про увольнение из «Сытого слона» не успела сказать, а уж про новую работу тем более.

– Ну, может, подругам, родственникам говорили?

– Нет, родственники у меня только дальние, они нас сторонятся. Подруги? Близких нет, так, приятельницы, матери Мишиных одноклассников. Как говорится, беда сближает, – Прошкина немного подумала, потом твердо сказала: – На счет последнего места работы я точно никому не говорила.

Полина, но ведь сведения о трудоустройстве поступают в налоговую, так?

– Так, но даже если вас оформляют официально, то через два-три дня сведения еще никуда не успеют поступить. Остается только один вариант – за вами кто-то следит. Кстати, соседям удобно вести вас прямо от порога...

– Я ничего такого не замечала.

– Надо бы приглядеться. Вот вы завтра выйдете из дома и аккуратно понаблюдаете, что за люди вас окружают. Не лезет ли кто-то слишком часто на глаза?

– А если я кого-то запримечу?

– Было бы неплохо. Только не пытайтесь самостоятельно выяснить с этим человеком отношения, предоставьте это интересное дело мне.

– Ладно, – согласилась Прошкина, потом подняла на меня глаза, полные мольбы, и спросила: – Полина, я не могу без работы. Но уж не знаю, стоит ли мне искать новое место в городе, пока этот негодяй не отыщется?

Кажется, Вера намекала на то, чтобы я взяла ее себе в помощницы по хозяйству. Я пока не была к этому готова.

– Пожалуй, надо с трудоустройством несколько повременить. Думаю, несколько дней хватит для того, чтобы со всем разобраться.

– Ладно, я сделаю вид, что ищу новую работу, а сама буду смотреть, нет ли за мной «хвоста». Кажется, в детективах это

так называется.

* * *

Только я проводила Прошкину, как дед пристал ко мне с расспросами:

– Ну и что ты думаешь? Кто лишил работы несчастную женщину с больным ребенком?

– Не исключено, что какая-нибудь склочная соседка решила крепко потрепать ей нервы.

– А смысл?

– Просто такое хобби – бытовой вампиризм. Если так, то мы ее быстро вычислим и поставим на место.

– А мне кажется, все гораздо серьезнее. В «Сытый слон» приходила не какая-то психопатка, а уверенный в себе мужчина с милицейским удостоверением.

– Ну, может, это ее друг? Знаешь, даже серьезные мужики иногда пляшут под дудку сумасбродных баб. Кстати, Бабенко запомнил его фамилию?

– В том-то и дело, что нет. Полетт, а как ты съездила в архив?

– Удачно. Есть неплохие шансы сохранить историческое здание. Правда, нет гарантии, что интернат оставят в том же помещении. Ведь принято решение объединить несколько коррекционных интернатов.

– Помню, помню, умные головы решили одни интернаты

закрыть, а другие укрупнить. Это, конечно, позволит сэкономить бюджетные средства. О несчастных детях и их родителях никто не подумал. Да, у нас все делается через пень-колоду... Вера так убивается из-за этого...

– Ариша, я смотрю, ты проникся к ней безграничной симпатией.

– А что? Приятная женщина, услужливая такая... Телефон зазвонил, я на минуточку из столовой вышел, так она посуду взялась мыть. Ума не приложу, кто ей вредит. И ведь по самому больному, сволочи, быют! Лишают средств к существованию, зная, что материальной помощи ждать не от кого. На одну пенсию по уходу за ребенком-инвалидом вдвоем не проживешь.

– Согласна. С работой у нее как-то не клеится, плюс к этому соседи двинули на нее огромной липкой массой...

– Почему липкой?

– Потому что они бросают в ее адрес необоснованные обвинения, от которых не так-то легко отмыться. Но это еще не все. У Веры был бойфренд, так он дал ей отставку.

– Да, крупномасштабно! Наступление на всех фронтах. Пожалуй, тут требуется воображение, чтобы представить Вериного врага во всей красе. Обычно людям не прощают успеха, богатства, но ничего этого у Прошкиной нет... Кстати, а кто тот человек, в смысле, Верин ухажер?

– По жизни – неудачник, по профессии – телемеханик на железной дороге. Вот его фотография. Покажешь ее Бабен-

ко?

– Покажу, – Ариша надел очки и стал присматриваться к Алябьеву. – Ну, не знаю... Лицо симпатичное... А Вера его подозревает?

– В том-то и дело, что нет. Любит она его, фотку вот с собой носит... Мне кажется, она надеется на то, что у нее с Павлом еще все наладится.

– Н-да, жила она себе, жила, и вдруг в одночасье поехала под уклон ее старательно отлаженная жизнь. Чтобы такое случилось, кто-то должен был задействовать немалые ресурсы.

– Если бы Бабенко запомнил фамилию или хотя бы подразделение милиции, в котором числится тот «добрейший» человек, мы бы не задавались сейчас этим вопросом.

– Да, не спорю, Стас облажался, но он просто не был готов к такому раскладу. Я сегодня же предъявлю ему эту фотографию для опознания... Слушай, Полетт, может, мы все-таки возьмем Прошкину на работу? Так, на пару часов два-три раза в неделю...

– Похоже, она успела накапать тебе на мозги, да?

Ариша проигнорировал мой вопрос, сообщив:

– Пожалуй, я не буду терять время, поеду в казино. Стас обещал туда сегодня заскочить. Ты меня к ужину не жди, буду поздно.

– Удачи! – сказала я и отправилась в свою комнату.

Пересмотрев архивные документы, я вдруг поняла, что к

делу пора подключить прессу. Перед авторитетом печатного слова иногда пасуют даже большие начальники. Я стала искать визитку Светланы Петиной, журналистки, освещающей вопросы культуры.

– Алло!

– Здравствуй, Светлана! Это Полина Казакова.

– Добрый вечер! – сказала Петина суперофициальным тоном. – А, Полина! Прости, я не сразу сообразила, что это ты. Какие-то проблемы?

– Света, я хочу заказать тебе одну статью.

– О чем?

– О незаслуженно забытых исторических памятниках Горовска.

– Не думаю, что сейчас это актуально. Вот преодолеем кризис, тогда можно будет о памятниках позаботиться.

– Жаль, а я так на тебя надеялась. Света, а ты вообще в курсе, что планируется снос интерната на Стрелковой?

– Что-то такое слышала, – ответила Петина без особых эмоций в голосе.

– А ведь зданию почти полтора века, его проектировал сам Кошинский. Там сначала был пансион благородных девиц...

– Да? Не знала, что в Горовске был такой. А ты ничего не путаешь?

– Нет, у меня есть копии документов из областного архива.

– Было бы любопытно на них взглянуть. Хотя у меня сейчас столько материалов в работе, даже не знаю, удастся ли в ближайшее время пристроить в номер интересующую тебя статью.

Ну вот, а я думала, что журналистика – это утомительный поиск злободневных тем. Кажется, Петина набивает себе цену.

– Да, Света, я забыла тебе сказать, оплата, как в прошлый раз.

– Вот с этого и надо было начинать! – обрадовалась журналистка. – А тебе как срочно это надо?

– Я не говорю, что хотела бы уже завтра увидеть в газете материал о готовящемся сносе исторического памятника, а вот в течение следующей недели...

– Ладно, я завтра с утра поговорю с главным, попробую перераспределить приоритеты. А ты подъезжай ко мне в редакцию часам к одиннадцати, – сказала Светлана и отключилась.

Глава 3

С утра я немного поупражнялась в игре на саксофоне, а потом поехала в редакцию. Поднявшись на лифте на шестой этаж, я прошлась по длинному коридору и заглянула в нужный мне кабинет. Знакомой журналистки на месте не оказалось, и я поинтересовалась у ее коллег, когда она появится. Мне сказали, что Петина срочно уехала в командировку, а вернется оттуда не скоро. Эта информация ударила меня обухом по голове. Не люблю, когда планы рушатся под натиском непреодолимой силы.

Я закрыла дверь, пошла к лифту и вдруг в конце коридора увидела Светлану. Она шла мне навстречу, разговаривая по мобильнику, а затем свернула направо. Значит, не заметила. Я ускорила шаг, рассчитывая догнать журналистку и уточнить, когда она вернется в Горовск. Подошла к лестнице, посмотрела вверх-вниз, след Петиной уже простыл.

– Простите, – обратилась я к молодому человеку, поднимающемуся снизу, – вам сейчас Петина не встретилась?

– Нет, – сказал он.

Я пошла вверх, заглянула на этаж – коридор был пуст. Тогда я достала мобильник и позвонила Светлане. Номер был свободен, но Петина мне не отвечала. Я тут же нашла этому простое объяснение – она у главного редактора или в бухгалтерии, и ей там не до разговоров. Поскольку журна-

листка была без верхней одежды, то я решила вернуться на шестой этаж и подождать ее около кабинета. Возможно, коллеги, увлеченные работой, просто не въехали в ситуацию.

– Девушка, – обратилась ко мне женщина, вышедшая из кабинета, – ну я же сказала вам, что Светланы Юрьевны сегодня не будет. И завтра тоже. Скорее всего, она вернется недели через две.

– Странно, но я пять минут назад видела ее здесь.

– Вы обознались. У нас есть одна девушка, сильно на нее похожая. Их многие путают, – женщина смотрела на меня таким открытым взглядом, что я ей поверила и пошла к лифту.

На четвертом этаже лифт остановился, двери распахнулись, и я увидела перед собой журналистку, назначившую мне встречу. У меня не было никаких сомнений, что это именно Петина, а не ее двойник. Какие-то доли секунды мы смотрели друг на друга, затем Светлана попятилась назад. Но я успела выскочить из лифта прежде, чем двери закрылись.

– Ой, Полина, ты? – моя визави изобразила на лице искреннее удивление. – А я, знаешь, в командировку срочно уезжаю.

– Мне сказали. А когда ты приедешь?

– Не знаю. Представляешь, главный редактор меня в такую глушь послал!

– В какую? – недоверчиво осведомилась я.

– По отдаленным деревням, – ляпнула журналистка и сде-

лала страдальческое лицо.

– Только не говори, что будешь там фольклор собирать! Это не твой профиль. Света, может, хватит юлить? Думаешь, я не поняла, что ты меня избегаешь?

– А раз поняла, так зачем бегаешь за мной? – спросила Петина уже совсем другим тоном.

– Вот так вопрос! Я вчера предложила тебе тему, она тебя заинтересовала, ты пригласила меня обсудить детали и вдруг назад пятками...

– Что поделаешь, реальность внесла коррективы в умо-зрительные планы.

– Света, по-моему, командировку ты придумала, чтобы отвязаться от меня. Ну что за детские игры?

– Нет, это как раз не детские игры. Полина, ты меня своей статьей подставить решила, да? – Петина бросила мне совершенно неожиданный упрек.

– Почему подставить?

– Думаешь, я не понимаю, под кого ты копаешь?

– Под кого? – удивилась я.

– Полина, ты из меня дурочку-то не делай!

– Света, ничего подобного у меня и в мыслях не было.

– Ага, так я тебе и поверила! Ладно, мы с тобой в прошлый раз развели директрису кадрового агентства... А тут люди совсем другого круга... Нет! Нет! И еще раз нет! Степан Валентинович! – Петина вдруг резко отвернулась от меня и обратилась к проходившему мимо нас мужчине. Веро-

ятно, решила, что не стоит больше тратить время на препирательства со мной.

– Да, Светочка, я вас внимательно слушаю.

– Помните, вы рассказывали мне о коллекционере Синичкине?

– Ну, разумеется, я могу вас даже познакомить с ним...

Какое-то время я смотрела вслед Петинной, размышляя, стоит ли ее догнать и все-таки попытаться узнать, почему статья о здании на Стрелковой улице довела Светку до нервной дрожи. Пожалуй, не стоит. Здесь она на своей территории, поэтому может бегать от меня по этажам и кабинетам сколько угодно. Мне за ней не угнаться. Не беда, главное – я теперь знаю, что Петина – не тот человек, на которого можно положиться. Прежние взаимные услуги и совместно пережитые опасности не смогли сделать нас подругами. А еще я поняла, что в сноске интерната заинтересованы очень серьезные люди, с которыми шутки плохи.

Я вызвала лифт, спустилась вниз, вышла на улицу, села в машину, не переставая размышлять над тем, кого именно напугалась Петина. Причем вчера она заинтересовалась моим вознаграждением и была готова выполнить заказ, а сегодня наотрез от этого отказалась. Наверное, посоветовалась с главным редактором, и тот наложил табу на мою тему. Но кого же он испугался бросить в пиарную топку? Кому могла навредить статья об истории нашего города? Нет, история тут совсем ни при чем! Разгадку надо искать в сегодняшнем

дне. А действительность такова, что интернат хотят закрыть, а здание – снести...

В голове промелькнули кое-какие мысли, чтобы их развить, надо было собрать информацию. Для начала я решила поговорить по душам с Анной Петровной. В последнее время я так часто бывала в интернате, что меня знали в лицо уже все вахтерши и безоговорочно пропускали к директору.

– Полина Андреевна, а я вас жду, – обрадовалась Самойленко. – Как вы съездили вчера в областной центр?

– Удачно, – сказала я и положила на стол директора интерната копии архивных документов.

Самойленко с интересом углубилась в их изучение.

– Ой, здесь и ксерокопии фотографий есть!

– Да, и, судя по их качеству, оригиналы приобрели прикус вечности.

– Вот это как раз и ценно. Я сделаю себе копию для семейного альбома. Вдруг среди этих воспитанниц пансиона есть и моя прабабушка?

– Анна Петровна, можно, теперь я задам вам личный вопрос?

– Конечно.

– Вы активно выступаете против закрытия интерната. Скажите, а вам никто не угрожает?

– В смысле? Кто мне может угрожать? – Самойленко оторвала взгляд от фотографии и непонимающе уставилась на меня. – Откуда такие странные мысли? Я выполняю свой

долг.

– Так да или нет?

– Нет, никаких угроз не было, но и понимания у местных властей я пока не нашла. Даже самые уважаемые и влиятельные люди нашего города приняли позицию сторонних наблюдателей. Возможно, федеральные органы вникнут в нашу проблему.

– Анна Петровна, я имела в виду не только откровенные угрозы, но и скрытые предостережения. Скажите, в последнее время в вашей жизни ничего странного не происходит?

– Странного? Нет, все идет своим чередом. Полина Андреевна, а почему вы об этом спрашиваете? У вас неприятности, и вы связываете их с тем, чем мы с вами занимаемся?

– У меня все в порядке. Но дело вот в чем... сегодня я хотела протолкнуть эти материалы в прессу, а мне категорически отказали, дав понять, что статья о сохранении этого здания затрагивает интересы каких-то очень важных персон.

– Каких персон?

– Это я и пытаюсь понять. Интересно, а если здание снесут, что здесь построят?

– Не знаю, – Самойленко развела руками. – Это самый центр города, земля здесь дорогая.

– Похоже, что это место для кого-то очень лакомый кусочек.

– Ой, я сейчас кое-что вспомнила, но это так, на уровне ничем не подтвержденных слухов, – пояснила директри-

са. – Здесь вроде бы хотят построить торгово-развлекательный комплекс. Будто другого места нет...

– Торгово-развлекательный центр? Это очень интересно, – сказала я, взяв эту информацию на заметку.

– Вы так считаете? А мне не верится, что дело дойдет до сноса. Знаете, Полина, у меня есть одна приятельница, она работает в комитете капитального строительства. Я поинтересуюсь у нее планом застройки центра города.

– Поинтересуйтесь, только аккуратно.

– Уж постараюсь. А что мы будем делать с этой информацией? – Самойленко кивнула на архивные документы.

– Снова разошлем письма в различные федеральные органы. Пусть в Москве знают, как в Горовске относятся к историческим памятникам. Я думаю, надо даже сделать фотографии. В моем мобильнике хорошая камера. Вы не возражаете, если я пофотографирую?

– Конечно, нет! А что вы хотите заснять?

– Надо, чтобы в Москве увидели обе стороны медали – и то, что это здание представляет архитектурную ценность, и то, в какой упадок оно пришло.

– Ну что ж, пойдемте, я устрою вам экскурсию, – Самойленко тут же подхватила мою идею.

– Подождите, я начну фотосессию прямо здесь, – я достала из сумки мобильник и запечатлела отваливающийся кусок лепнины.

Когда мы прошлись по всему зданию, Анна Петровна ска-

зала:

– Полина Андреевна, готовьте письма, я все подпишу.

Я сделала еще несколько снимков общего плана и отдельных фрагментов фасада, затем села в машину. Из интерната я поехала домой. Мне надо было срочно поговорить с Аришей.

– Полетт, где мои белые рубашки? – строго осведомился дедуля, встречая меня в прихожей.

– Белые? Кажется, одна в стирке, а другая в глажке.

– Ну так погладь мне ее! – потребовал дед и пошел в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

– А ты не можешь надеть какую-нибудь другую рубашку, например, бежевую? Она тебе так идет.

– Нет, мне нужна белая рубашка. Я в ней всегда выигрываю.

– Это что-то новенькое. Ариша, погоди! – при этих словах дед остановился. – Скажи, ты показал Стасу фотографию Алябьева.

– Показал, но это не он страшал Бабенко закрытием ресторана. Фотку я положил на стол в твоей комнате. Кстати, Полетт, мы начисто лишены кормовой базы, у нас в холодильнике шаром покати, – сказал дед с мягкой укоризной. – Ты купила продукты или мне сегодня ужинать в «Сытом слоне»?

– Я сейчас схожу в местный магазин и куплю все, что нужно.

– Вот-вот, – проворчал дедуля.

Давно Ариша не был так озабочен бытовыми мелочами. Рубашки ему каждый день белые подавай! Завтраки, обеды, ужины готовь. А сам даже посуду перестал за собой мыть. Можно подумать, я одна должна с утра до вечера разгребать нарастающую кучу домашних дел! Нам определенно нужна прислуга. Стоп! Кажется, дед к этому и клонит. Нарочно придирается ко мне, чтобы я взяла Прошкину в домработницы.

Сходив в магазин, я бросила на сковородку замороженную овощную смесь, накрыла ее крышкой и позвонила Вере:

– Алло, – раздалось в трубке.

– Добрый вечер! Это Полина.

– Да какой уж тут добрый! Из дома хоть не выходи, – шепотом сказала Вера, – соседи так и норовят заклевать. Миша спрашивает меня, почему они такие вопросы задают, почему меня оговаривают. А я не знаю, что ему ответить.

– Да, вопрос сложный, – я хотела дать какой-то совет, но не смогла. – А как прошла игра в детектива?

– Никак, в поле моего зрения никто не попался. Я тут газету с объявлениями купила... Для меня есть кое-что подходящее. Может, стоит еще раз попытаться устроиться на работу?

– Вера, пока мы со всем этим не разобрались, не стоит наступать на те же грабли. А вот у нас поселок закрытый, не так-то просто узнать, кто к кому и зачем приезжает...

– Полина, если я правильно поняла, то вы хотите предложить мне работу у себя дома, да? – обрадовалась Прошкина.

– Да, – сказала я, после чего мы определились с графиком работы и зарплатой. – Тогда завтра я вас жду.

Только закончив разговор, я поняла, что овощи начали пригорать. Еще чуть-чуть, и пришлось бы их выбросить вместе со сковородкой в мусорку.

– Полетт, ты погладила мне рубашку? – строго спросил мой прародитель, неожиданно появившись в столовой.

– Нет, я ходила в магазин, сейчас ужином занимаюсь. Неужели не видишь? – с упреком бросила я деду.

– Я уже настроился на ресторан. Кстати, смокинг надо будет отдать в химчистку. Еще в моей комнате окна какие-то пыльные. Ты когда их в последний раз мыла?

– Дедуля, тебе эта строгость не к лицу. Думаешь, непонятно, к чему ты так навязчиво меня подталкиваешь? – спросила я и заметила, что Ариша лукаво улыбается. – Не волнуйся, с завтрашнего дня Вера выходит к нам на работу. Я только что с ней обо всем договорилась.

– Вот и замечательно! А чем это у нас так аппетитно пахнет?

– Овощное жаркое.

– Тогда ужинаю дома.

– Еще бы ты отказался! Кстати, до меня дошли слухи, что на месте интерната кто-то собирается возводить торгово-развлекательный центр. У меня закралось подозрение,

что здание собрались сносить потому, что кому-то понадобилось именно это место в центре города. Мне хотелось бы знать, кто такой предприимчивый. Ты поспрашивай об этом у своих коллег по преферансу. Многие из них вращаются в бизнес-кругах, поэтому могут быть в курсе.

– Ладно, поспрашиваю. Но рубашку ты мне все равно сегодня погладь. Полетт, да не беспокойся, все будет нормально. Я тут на днях Курбатову звонил, интересовался у него насчет Веры Прошкиной. Он навел справки и сказал, что у нее чистая биография – не была, не состояла, не привлекалась...

– Ну, Ариша, ну, конспиратор! Значит, связался с дядей Сережей и молчишь!

– Ну вот, сказал.

– Спасибо. Раз полковник ФСБ ручается за то, что домработница ни в чем криминальном не замешана, то я могу быть за наш антиквариат спокойна. Но видишь ли, в чем дело... получается, что с одной стороны, Вера – прислуга, а с другой стороны – моя клиентка.

– Которая ни копейки не платит за твои услуги, – заметил дедуля.

– Да, это так. Но что с нее возьмешь?

– Тоже услуги. Получается своеобразный бартер. Полетт, да не морочься ты этими условностями! Все будет хорошо.

На следующий день Вера пришла точно к назначенному времени. Как и в свой первый визит, она переобулась в собственные тапочки и выразила желание тут же приступить к работе. Теперь я не возражала. Список дел у меня был готов еще с вечера. Прошкина внимательно выслушала меня и принялась первым делом за готовку.

– Полина, а у вас лук репчатый есть?

– Конечно. Он в кладовке, под лестницей, сейчас я принесу.

– Вы мне покажите, где это, чтобы я знала на будущее, – попросила Вера.

– Пойдемте! Вот, это здесь, – я включила свет и открыла дверцу. – На ключ мы ее обычно не закрываем. Вы присмотритесь к тому, что здесь есть еще. Вдруг что-то понадобится?

– Да, пожалуй, я возьму эту шумовку.

Сначала я помогала домработнице освоиться, отвечая на ее вопросы, а потом стала задавать ей свои.

– Вера, ну не может быть такого, чтобы вся эта суeta вокруг вас возникла на пустом месте. Неужели вам ничего на ум не приходит?

– Я уж думала себе голову разбила, как орех, но все без толку, – говорила Прошкина и резала лук.

У меня на глазах выступили слезы, а ей хоть бы хны. В

конце концов я поняла, что своими вопросами только мешаю ей готовить.

– Ладно, Вера, не буду больше вас отвлекать. Мне надо отъехать на часок-другой по делам.

– Вы оставляете меня одну?

– Нет, Аристарх Владиленович дома. Он сова, встает поздно.

– Ясно.

Поднявшись в свою комнату, я широко распахнула шкаф. Взгляд сразу наткнулся на шмотки, купленные недавно в супермаркете «Максим». Странно, почему я купила все в одной цветовой гамме? Вроде никогда не любила фиолетовый цвет, а тут налицо все его оттенки – от страстного сливового до наивного фиалкового. Не иначе поддалась Алинкиным уговорам. Придирчиво пересмотрев обновки, я пришла к выводу, что купила все эти блузки, топы и юбки не зря. Конечно, пока мне не удалось их никуда надеть. Да и сейчас повод был не тот. Поражать воображение столь неблагоприятной публики, как склочные соседи Прошкиной, я не собиралась. Напротив, решила одеться так, чтобы походить на среднестатистическую горюччанку, поэтому достала джинсы, черную водолазку и серую ветровку. «Да, именно так – скромненько и без особых примет, – подумала я, глядя на свое отражение в зеркале. – Нет, женщин без примет не бывает. Хотим мы этого или нет, но наша визитная карточка – цвет волос. Блондинка, брюнетка, шатенка...»

Достав коробку с париками и шиньонами, я принялась их поочередно примерять. Надо сказать, среди них были настоящие шедевры постижеров. Например, рыжая «стружка» или пепельная «бабетта». Только я снова ориентировалась на золотую серединку, поэтому стала шатенкой с прямыми волосами до плеч.

За стеной послышалось легкое покашливание. Значит, Ариша наконец проснулся. Я постучалась к нему в спальню.

– Антре! – крикнул он, и я вошла. Несколько секунд дедуля остолбенело таращил на меня свои сонные глаза, затем пожурил: – Полетт, ну зачем ты меня так пугаешь? Я тут еще не успел переодеть пижаму, поэтому, кроме тебя, не готов никого принять.

– Хочу тебе напомнить, что с сегодняшнего дня кроме меня в доме есть другая женщина.

– Кто?

– Догадайся с трех раз.

– А, ты про Веру, – Ариша моментально вспомнил наш вчерашний разговор. – Она уже пришла?

– Да, сейчас она готовит обед, а потом будет проводить генеральную уборку в твоей спальне.

– Но почему именно в моей? – дедуля растерянно обвел взглядом комнату, в которой царил жуткий бардак.

– Потому что ты вчера жаловался на пыльные окна.

– Да, Полетт, надо признаться, теперь я тебя понимаю. К постороннему человеку в доме надо привыкнуть. Все-таки

здесь личная территория...

– Вот-вот. Но решение принято, поэтому нам придется привыкнуть к мысли, что мы уже не одни. В любом случае, плюсов больше, чем минусов. Ты сейчас приведешь себя в порядок, спустишься вниз, и Вера вкусно тебя накормит, а потом сразу же вымоет за тобой посуду.

– А ты нас покидаешь?

– Да, теперь у меня появилась масса свободного времени, которое я могу тратить по своему усмотрению. Кстати, ты навел справки насчет строительства торгово-развлекательного центра?

– Да, я вчера кое с кем перемигнулся и узнал, что интернат еще не успели снести, а за это место уже борются два небезызвестных в нашем городе человека. Пилявский как раз намерен возвести торгово-развлекательный комплекс, а Волохов не прочь расширить в ту сторону жилой массив.

– А кто из них сильнее?

– Трудно сказать. Оба не слабаки.

– Ладно, поговорим об этом после, когда я вернусь.

– Хорошо, я еще кое-кому позвоню и задам об этих деятелях пару-тройку вопросов.

Глава 4

Вера рассказала мне, что проживает с сыном в микрорайоне «хрущевок», именуемом в народе Черемушками. Они переехали туда два года назад, обменяв «трешку» на окраине города на «двушку» ближе к центру. Материальной выгоды, по ее словам, такой обмен не принес, только кое-какие удобства. Теперь школа-интернат находилась неподалеку от дома, да и бассейн рядом.

Оставив «Мини-купер» на парковке около офисного здания, я отправилась в жилой квартал пешком, разыскивая нужный дом. Нет, конечно, я не надеялась на то, что в этот же самый момент Верин недруг шарится где-нибудь там по углам, расставляя свои «капканы». В лучшем случае я могла рассчитывать на откровенность соседей, которые недели две назад резко поменяли свое отношение к Прошкиным. Только как добиться этой откровенности? Может, разыграть небольшую пародию на оперативно-следственные действия? Допустим, представиться сотрудницей правоохранительных органов, обрушить на жильцов свои обвинения и заставить признаться, в чем истинная причина их злокозненности.

Я увидела табличку с нужным мне номером дома, свернула за угол и попала в уютный дворик. Около второго подъезда стояли две старушки и, как водится, перемалывали кому-то косточки. Возможно, как раз Вере. Прежде чем на что-

то решиться, я задала себе вопрос: «Призналась бы я на их месте в собственной стервозности?» Ответ был отрицательным. Значит, штампы для получения информации не годились. Пока я думала, как завести непринужденный разговор, одна бабуля зашла в подъезд, а вторая неспешно двинулась мне навстречу.

– Здравствуйте, – сказала я ей. – Можно вас на минуточку?

– Здравствуй, милая! Ищешь кого-то? – спросила меня добрейшая с виду старушка.

– Скажите, в этом доме живет женщина по имени Вера с больным ребенком?

Благодушие мгновенно улетучилось с лица глубоко пожилой женщины, так, будто я завела разговор о повышении стоимости коммунальных услуг.

– Ну, здесь, – нехотя процедила она. – А тебе что надо? Верка – твоя подружка, что ли?

Я моментально сориентировалась и сказала:

– Скорее наоборот.

Разумеется, мой ответ ничего не прояснил, а бабуле, чувствовалось, очень хотелось услышать что-то конкретное.

– Наоборот – это как? – уточнила она, не дождавшись от меня конкретики.

Не обращая внимания на ее вопрос, я оглядела типовую кирпичную пятиэтажку и многозначительно изрекла:

– Значит, здесь Верка теперь обосновалась... Ну-ну...

Бабулька была не на шутку заинтригована, поэтому решила засыпать меня наводящими вопросами:

– Милая, выходит, ты с ней раньше была знакома?

– Ну еще бы! – подтвердила я и, снова выдержав внушительную паузу, стала размышлять вслух: – Похоже, Верка думала, что сменит адресок и концы в воду... А я вот ее нашла...

– Зачем же она тебе понадобилась? – не унималась бабуля.

– Это давняя история, – я снова не сказала ничего конкретного, поэтому еще больше распалила ее любопытство.

– Понимаю, что не вчера дело было, а что все-таки случилось? – осведомилась Верина соседка, пытливо заглядывая мне в лицо.

Я снова немного помолчала, а затем ответила вопросом на вопрос:

– Ну и как она тут поживает?

– Ну так, – старушенция поджала губы, – худо-бедно, но хорохорится.

– Хорохорится, говорите? Это потому что Верка пока считает, что никто не знает, где она осела.

– Да почему ж никто не знает? – ляпнула бабка и осеклась.

– Да потому что я первая раздобыла этот адресок, – сделав такое утверждение, я надеялась тут же услышать опровержение.

По лукавым глазам, спрятанным в складках морщин, не трудно было догадаться, что моя собеседница очень хочет

возразить, но не решается. Подождав, не расскажу ли я сама, зачем мне сдалась Верка, бабуся продолжила диалог:

– Ну, допустим, ты не первая, кто ею интересуется...

– Что значит не первая? А кому еще до нее дело есть?

– Милиции, дочка, милиции.

– Не может быть, – недоверчиво отмахнулась я.

– Очень даже может быть. Я с милиционером, как с тобой сейчас, о Верке разговаривала.

– А, кажется, я догадываюсь, кого вы имеете в виду. Надеюсь, он был здесь без формы?

– В штатском, – подтвердила бабуля, – но показал мне удостоверение. Милая, он мне ведь все-все про Прошкину рассказал... А мы жили с ней бок о бок и понятия ни о чем таком не имели... Вот надо же как бывает! Мы ей все сочувствовали, жалели ее, а она, оказывается, вот что натворила...

Судя по выражению лица этой старушенции, человек с милицейской ксивой рассказал ей очень увлекательную историю, заставившую изменить ее отношение к Вере. Но что, черт возьми, он ей наплел? Я не могла об этом спрашивать, ведь старательно делала вид, что знаю о Прошкиной буквально все. Бабка отделялась общими фразами, боясь ляпнуть лишнее, и в то же время она страстно желала услышать от меня новые подробности. Поскольку я их не знала, то продолжала подталкивать свою собеседницу к откровенности.

– Да, похоже, Верка и правда рассчитывала, что стоит ей сменить адрес, и все концы в воду. Но не тут-то было! Это

хорошо, что вы уже все про нее знаете.

– Так она нам всем вралла, говорила, что Миша родился больным, а оказывается, это она его угробила, – все-таки проговорила бабка и пугливо огляделась по сторонам. – Хотела от мальчика избавиться! Душегубка! Сколько женщин в одиночку детей воспитывают, а она, значит, родила, а потом решила, что он ей не нужен. Ну отдала бы в детский дом! Нет, она его на тот свет отправить собралась... Да и сейчас бьет его почем зря, орет на него, как резаная. Бывают же такие изверги! И как это только ее не посадили и не лишили родительских прав?

– Да вот так, – ляпнула я, чтоб хоть как-то поддержать разговор.

– Ей дела до сына никакого нет! Мешает он ей развернуться на полную катушку. Ведь одни мужики у нее на уме. Никак не нагуляется, прости господи!

– Да вы что?

– Да, она даже мальчика с собой на свиданки таскает. Развратница! Чему она Мишку научит? – спросила отчаянная моралистка, но поскольку я промолчала, она продолжила: – Ну ничего, мы тут отвадили от нее одного хахалю...

– Правда?

– Да, хаживал тут один к ней, симпотный такой, уважительный... Теперь больше не придет, мы ему глаза на Верку раскрыли, – не без гордости призналась старушка.

– А что, к ней еще кто-то ходит?

– К ней ходят, или она к ним... Какая разница? – бабулька не стала дальше развивать эту тему, переметнулась на мою скромную персону. – А тебя-то чем Прошкина задела? Мужика, что ли, увела?

– Ага, – уцепилась я за эту подсказку. – Понять не могу, что он в ней нашел.

– Вот я всегда говорила – мужики слепые! Хороших девок в упор не видят, моя внучка – красавица, умница, а замуж никак не выйдет. Им вот таких развратных особ подавай!

– Да, вы, наверное, правы. А не подскажите, сейчас Верка дома?

– Нет, она обычно часам к четырем возвращается. Ответит Мишу в интернат и шляется где-то по городу... Работает не работает, я в толк никак не возьму, никакой график она не соблюдает.

– Ладно, я, пожалуй, позже приду, когда она дома будет, – сказав это, я развернулась и пошла прочь со двора.

– погоди, – крикнула мне старушка вслед, но я не остановилась. Придется ей черпать ответы на свои вопросы из собственного воображения.

Все, что требовалось узнать, я узнала. Даже то, почему Павел бросил Веру. Соседи расписали ее в таких красках, что Алябьев тут же решил свернуть с Прошкиной все отношения. Конечно, хотелось спросить бабулю: «Ну, как вы могли поверить первому встречному, пусть и с милицейским удостоверением? Он ведь оговорил вашу соседку, рассчитывая

втянуть вас в провокацию, и ему это удалось». Только внутри меня что-то воспротивилось этому. Наверное, это был здравый смысл. Пока я не знала, на чьей стороне правда. Мне не было доподлинно известно, почему Миша стал инвалидом. По версии самой Веры, он родился со страшным диагнозом – детский церебральный паралич. А вдруг это ее легенда? Быть может, Прошкина на самом деле хотела избавиться от ребенка, но в итоге лишила его не жизни, а здоровья.

Я впервые подумала о Вере не как о жертве обстоятельств, нуждающейся в помощи, а как о человеке, заслуживающем наказания за свои грехи. Прошкина явилась к нам в дом, надеясь получить работу, а я пристала к ней со своими вопросами, даже не подозревая о том, что ей нет никакого смысла со мной откровенничать. Я просила ее покопаться в своем прошлом, вспомнить, кому она могла перейти дорогу. Но Вера твердо стояла на своем, убеждая меня, что ничего вспомнить не может. Похоже, она просто симулировала забывчивость. А на деле ее плохая память – это признак нечистой совести. Если так, то нельзя верить ни одному ее слову. Вот, например, почему она сменила трехкомнатную квартиру на двухкомнатную? Может, именно для того, чтобы на новом месте никто ничего о ней не знал. Только городок у нас небольшой, Веру все равно кто-то нашел и втиснулся в ее жизнь. Кажется, этот некто не просто ей пакостит, а мстит.

Сначала я предположила, что этим неизвестным был отец мальчика. Кого еще могла так сильно тронуть Мишина судь-

ба? Но в следующую минуту я разнесла собственную версию в пух и прах. Если это была месть отца, то месть какая-то неправильная. Этот человек не только настроил против Веры соседей, он целенаправленно лишал ее работы, а значит, обрекал сына на голод и нищету.

Уж я-то была специалистом в области мщения, поэтому знала, что действия в этом направлении не носят случайный характер. Акт возмездия должен нести определенную смысловую нагрузку. А в чем смысл этой череды увольнений? Я не находила ответ на этот вопрос. Разве что действовал полный профан или маньяк?

Я запоздало вспомнила о том, что Курбатов, друг нашей семьи, проверил Прошкину и не нашел за ней ничего криминального. Это ровным счетом ничего не значило. Преступление могло иметь место, а вот уголовное дело не заводилось, если все выглядело как несчастный случай.

Сев в машину, я позвонила домой. Пять или шесть длинных гудков прошло без ответа, и я стала нервничать. Телефонные аппараты у нас были едва ли не в каждой комнате. Так почему же вместо родного голоса я слышу эхо далеких гудков?

– Алло! Слушаю вас, – наконец сказал дедуля жизнерадостным голосом.

– Ариша, это я. Как вы там?

– Все хорошо, а почему ты спрашиваешь?

– Ты все-таки поглядывай за Верой, мало ли что...

– Твои опасения напрасны.

– Надеюсь.

– Ты к обеду вернешься?

– Нет, у меня еще есть дела, – сказала я и отключилась.

На самом деле я пока не знала, что мне предпринять, дабы выяснить, кто же такая эта Вера Прошкина, с легкой руки Стаса Бабенко вошедшая в наш дом. Может, она аферистка, до сих пор ловко уходившая от закона? Почему она так настойчиво напрашивалась ко мне на работу? Ей ведь далеко отсюда добираться в наш коттеджный поселок, да и накладно тратиться на пригородный автобус.

Проезжая мимо интерната, я подумала, что там наверняка есть Мишина медицинская карта. Прочитав ее, можно узнать, чем именно и с каких пор болен Прошкин. Проблема состояла только в том, как объяснить Самойленко свой интерес к здоровью этого мальчика. Обманывать Анну Петровну мне не хотелось, а сказать ей правду я не могла. Тем не менее я припарковалась около школы-интерната, зашла, поздоровалась с вахтершей и спросила, как обычно:

– Самойленко у себя?

– Нет, она уехала на совещание в городской отдел образования. Сегодня Анна Петровна уже не вернется.

Сев в машину, я немного подумала и направилась в сторону спорткомплекса «Зенит», там был ближайший к этому месту бассейн. Я и сама его посещала уже много лет, занималась аквааэробикой. Но месяц назад наша тренерша ушла

в декретный отпуск, а новая мне не понравилась. Ей не было никакого дела до группы, она просто сидела на скамеечке с мобильником в руках, предоставив нас самим себе. Когда у меня закончился абонемент, я поняла, что не испытываю никакого желания покупать новый.

Подойдя к стойке регистратуры, я поинтересовалась расписанием занятий для детей-инвалидов. Если Вера меня не обманула, сказав, что прилежно водит Мишу в этот бассейн, то завтра они должны быть здесь в половине третьего. Надо будет это проверить.

Уже уходя, я заметила на стене объявление о наборе в группу акваджоггинга. А это что еще такое? Меня всегда привлекало все, что выходило за рамки обыденности, поэтому я подошла поближе и стала читать. Оказывается, акваджоггинг – это бег в глубокой воде. «А почему, собственно, не переключиться с аквааэробики на этот самый бег под водой? Расписание занятий удобное, тренер – Балдин О. П. О, мужчина! Это интересно», – подумала я и тут же приобрела абонемент.

Когда я вернулась домой, то Веру не застала. Она выполнила все мои задания, и Ариша ее отпустил.

- Полетт, по-моему, мы должны проставиться Стасу.
- С какой стати? Он вспомнил фамилию того мента?
- Не вспомнил, но нет худа без добра. Если бы не вся эта заварушка с увольнением, то у нас не было бы такой замечательной домработницы. Верочка для нас просто находка.

Такая тихая, кроткая, но сколько в ней работоспособности! А как она готовит! Полетт, я никогда не ел такого борща. А котлеты...

– Что, котлеты ты тоже никогда не ел?

– Такие – нет. Вот ты сейчас пообедаешь и все поймешь... Да, Стас заслужил бутылку хорошего коньяка. Такую домработницу нам сосватал! Знаешь, она даже чай как-то по-особенному заваривает, – дед нахваливал Верину стряпню, а у меня не было никакого аппетита.

Чем дальше я слушала Аришу, тем подозрительней относилась к Прошкиной. За два рабочих дня она успела свести на нет мой многолетний домашний труд. А я ведь с четырнадцати лет, с тех пор как погибли мои родители, тружусь здесь, как пчелка. Да, в последнее время я немного расслабилась, но на то были свои причины, а дед так и вовсе обнаглел. Кажется, он никогда не слышал поговорку о том, что чисто не там, где убирают, а там, где не сорят. Я еще могу простить ему разбросанные по комнате грязные носки, но вот загубленный праздничный ужин по поводу его последнего дня рождения – никогда. Точнее, я думала, что простила, но сегодня поняла – обида еще дает о себе знать.

Примерно за два дня до своей знаменательной даты дедуля сообщил мне, что пригласил много гостей. Я с радостью приняла эту информацию к сведению, хоть и понимала, что меня ждет генеральнейшая из всех уборок и крупномасштабнейшая из всех готовок. Впрочем, с первым пунк-

том было быстро покончено, а второй и вовсе был мне в удовольствие. Вооружившись кулинарными книгами, я колдовала над праздничным угощением. Гостей ожидали поистине царские блюда, например, кролик в хреновой заливке и рябчики в ананасовом соусе. К сервировке стола я подошла творчески – расставила на столе высокие матовые свечи и бронзовые статуэтки. Не пожалела ради случая антикварную посуду и серебряные приборы.

До салона красоты у меня дело не дошло, а у дедули времени было предостаточно, поэтому в середине дня он отправился туда постричь бородку и сделать маникюр... Когда до назначенного времени осталось полчаса, я начала нервничать из-за отсутствия виновника торжества. Пришлось позвонить ему на сотовый телефон, но знакомая джазовая мелодия заиграла в дедовой спальне. Когда напольные часы в гостиной рококо пробили семь раз, позвонил Ариша и веселеньким голосом сообщил, что задержался вместе со своими приятелями в казино, но они вот-вот придут. Первые полчаса я не проявляла нетерпения, затем стала бегать от одного окна к другому, высматривая гостей, звонила охране поселка, спрашивала, не видно ли за воротами вереницы машин. Ответ каждый раз был отрицательный.

В гордом одиночестве я сидела за щедро накрытым столом. У меня текли слюнки при виде всех этих яств, но я боролась с собой, как могла. Портить внешний вид стола, сервированного с такой любовью, мне казалось кощунствен-

ным. Я убеждала себя, что «пулька» (дед в последнее время играл исключительно в преферанс) оказалась слишком длинной, но она все равно закончится, и гости поедут из казино сюда, чтобы чествовать юбиляра. Но все-таки самообладание меня покинуло. Около полуночи я зажгла свечи и откупорила бутылку коллекционного красного вина. Ну как же не выпить за здоровье любимого дедушки! Пусть его в эту ночь не покидает удача!

Меня разбудили мужские голоса, и, еще не раскрыв глаза, я осознала, что нахожусь в мучительно неудобной позе. Голоса приближались. Кто-то не без сожаления отметил, что упал на тузах, а кто-то пожалел, что не взял американскую помощь. Может, это всего лишь сон?

– Полетт, а что ты здесь делаешь? – Аришин вопрос, прозвучавший около уха, окончательно вырвал меня из объятий Морфея.

Я приоткрыла глаза и увидела целый строй голодных мужчин во фраках. Что касается меня, то я, свернувшись калачиком, лежала на небольшом диванчике прямо в гостиной рококо.

– Доброе утро! – поприветствовали меня гости практически хором, затем устремились к столу и застыли в нерешительности. Кажется, их не очень-то обрадовали блюда, потерявшие за ночь свою привлекательность.

– Полетт, а почему ты не убрала все это в холодильник? –

осведомился дед.

– Потому что у нас нет такого большого холодильника, – ответила я и пошла в свою спальню, решив для себя, что с утомительной миссией гостеприимной хозяйки покончено. Если карточный азарт у них превышает всего, то пусть пеняют на себя!

После того случая мы с Аришей несколько дней не разговаривали. Сейчас я слушала его хвалебные речи в честь Веры Прошкиной и упорно молчала. Было ощущение, что я пригрела на груди змею. Не успела я зайти в свою спальню, как сразу поняла – здесь тоже похозяйничала домработница, хотя я не ставила перед ней такую задачу. Ну кто просил Веру наводить порядок на моем туалетном столике? Она взяла и переставила там по своему разумению все баночки. То, чем я пользуюсь крайне редко, выставила вперед, а то, чем пользуюсь каждый день, задвинула на задний план. И вообще, где мой тональный лифтинг-крем? Неужели Прошкина прибрала его к рукам?

– Полетт, – Ариша заглянул ко мне в комнату, – так я не понял, ты обедать будешь?

– Нет, я заскочила по пути в кафе, – соврала я. – Скажи, Вера сама изъявила желание навести здесь порядок?

– Ну, она спросила, что еще сделать, я ей и подсказал. Видишь, как здесь все преобразилось?

– Да уж. Ариша, ну зачем ты это сделал?

– Я подумал, что ты из скромности пропустила этот

пункт, – сказал дедуля, и я поняла, что он лукавит. Его ход мыслей был мне понятен – если уж обнажать перед прислугой наши недостатки и пороки, то целиком и полностью! Вот он и направил сюда Веру. – Полетт, я вижу, ты вернулась не в настроении. Не удалось раздобыть информацию?

Пожалуй, не стоило сообщать Арише о том, что Прошкина, возможно, совсем не та, за кого пытается себя выдать. Он был ею слишком очарован. А у меня пока не имелось никаких доказательств того, что Вера сделала своего ребенка инвалидом.

– Да, пока нет ничего конкретного, – отмахнулась я.

– А я кое-что выяснил, – сообщил дедуля. – Ты готова меня выслушать?

– Да, конечно, присаживайся.

Ариша втиснулся в кресло и начал вещать:

– Как я уже тебе говорил, на Стрелковой, семнадцать, еще не расчищена строительная площадка, а два бизнесмена во всю борются за это место под солнцем. Пилявский намерен построить там торгово-развлекательный центр, а Волохов – возвести жилой массив. Люди говорят, что силы их примерно равны. Знаешь, Полетт, а ведь это ты в какой-то степени виновна в том, что Волохов стал практически единственным застройщиком элитного жилья в Горовске!

– Погоди, погоди, при чем здесь я? Мне до сегодняшнего дня вообще ничего не было известно о господине Волохове, – парировала я.

– Разве ты забыла про старшего сына Синдякова, который не без твоего участия не только лишился бизнеса, но и угодил за решетку?

Я не смогла выбросить из памяти свой первый акт возмездия, хоть и хотела это сделать. Мои родители погибли по вине Синдякова, тогдашнего прокурора города. Будучи в нетрезвом состоянии, он гонял по улицам Горовска, впечатляя своим лихачеством девушку легкого поведения. Я, четырнадцатилетняя девчонка, своими глазами видела, как в нашу машину, отъезжающую от дома, на полной скорости врезалась «Волга». Должность сделала прокурора неприкасаемым, виновником аварии был признан мой папа. Повзрослев, я поняла, что мой долг – воздать убийце моих родителей по заслугам. К тому времени Синдяков уже вышел на пенсию, переписал большую часть своего состояния на старшего сына, а сам не вылезал из кабаков. Так вот, Вадим Синдяков организовал на папочкины деньги строительный бизнес. С тех пор в Горовске участились пожары в частном секторе. Сгорят ветхие домишки, иногда вместе с жильцами, а на их месте скорехонько начинает возводиться жилая высотка.

– Дедуля, мы же договорились с тобой не возвращаться никогда к этой теме, – напомнила я.

– Я думал, что уже можно... В конце концов ты не сделала ничего противозаконного, лишь чуть-чуть разворошила этот клубок гремучих змей, а дальше они сами стали пожирать друг друга. Ведь в этой семейке все ненавидели друг

друга. Папаша только пил и развратничал, ему дела не было до того, что старший сын безжалостно палит дома стариков, иногда вместе с этими стариками, а младший – законченный наркоман. Нет ничего удивительного в том, что эти щенки едва своего отца заживо не похоронили.

– Все равно не надо об этом. Лучшая месть врагу – это полное забвение.

– Ладно, я лишь хотел сказать, что стоило конкуренту Волохова сесть в тюрьму, как Александр Николаевич развернулся на полную мощь. И ведь норовит там затеять строительство, где отселять жильцов не нужно! А это по большей части зеленая зона, легкие нашего города. Хорошо, что мы с тобой в этом поселке живем, здесь воздух чистый, а в городе скоро дышать будет нечем.

– Погоди, так это Волохов горпарк со всех сторон в каменное кольцо зажал?

– Да, он, – подтвердил Ариша, – при этом заметно уменьшив его территорию. А сквер Пионеров-героев вообще убрал с карты города, превратив его в очередную строительную площадку. Сквер, конечно, был запущенный, там бомжи да наркоманы по большей части тусовались, но зато сколько зелени было! Вековые дубы, липы... Если дело так и дальше пойдет, то весь Горовск будет затянут панцирем цивилизации, не останется ни одного деревца, ни одного кустика.

– Я давно не была в районе того сквера. Неужели там все деревья вырубili? – опешила я.

– Помнишь, в прошлом году был сильный ураган? – спросил Ариша, и я утвердительно кивнула. – Так вот, несколько сухих деревьев тем ураганом свалило, так под шумок и все остальные спилили.

– Насколько мне известно, земли, занятые скверами и парками, не подлежат передаче в частные руки. А незаконная вырубка деревьев – это преступление. Похоже, Волохов имеет большую поддержку в руководстве нашего города, раз для него эти законы не писаны. Если так, то заполучить землю после сноса интерната для него вообще пара пустяков. Не знаешь, кто конкретно за ним стоит?

– Отец Волохова не последним человеком в городе был, всем капитальным строительством в городе руководил, но, насколько мне известно, он уже ушел в мир иной.

– Значит, строительство – это у Волоховых наследственное?

– Да, так и есть. Волохов-старший капитальный бизнес в наследство сыну оставил, думаю, прежние связи с руководством города тоже сохранились.

– То есть с подачи Волохова вполне могло быть принято решение о сносе интерната?

– Я этого не говорил, но теоретически такое возможно. Александр Николаевич вполне способен устлать путь к достижению своей цели денежными купюрами.

– Ладно, я это учту. А что ты можешь рассказать про Пилявского?

– О, Федор Петрович Пилявский – личность впечатляющая! – сказал дед, пригладив свою бородку. – В девяностые он промышлял рэкето́м, хотя был уже далеко не мальчиком. В те годы по этой части полнейший беспредел творился. Были бы стены, а крышу мигом предложат, даже не одну. Одна группировка на другую наезжала, а милиция наблюдала за этой мясорубкой со стороны. Порешат друг дружку, так это даже неплохо...

– То есть Пилявский был бандитом?

– Федор был крутым. Он имел сильную репутацию, потому что был хорошо знаком с приемами едва ли не всех восточных единоборств и с несколькими милицейскими начальниками. Менты его не трогали, а бандиты уважали. Помимо рэкета Федор еще занимался скупкой ваучеров. Уж не знаю, куда он их пристроил, удачно или нет, только какое-то время о Пилявском в Горовске ничего не было слышно. Ходили слухи, что он в областном центре бизнес налаживает. Только годков пять назад Федор Петрович снова появился в Горовске, причем заявил о себе как владелец сети мебельных магазинов «Квадро». Словом, обуржуазился. Бизнес Пилявского развивается весьма успешно, кроме мебели он теперь еще бытовой техникой торгует и на этом, как ты понимаешь, останавливаться не собирается. Такие люди, как он, пресыщаются, но не насыщаются. Богатство, оно ведь подобно морской воде – чем больше ее пьешь, тем сильнее жажда одолевает.

– Дедуля, а ты философ!

– В моем возрасте каждый склонен к философии. Так вот, в бизнес-кругах говорят, что у Пилявского имеется задумка построить в Горовске торгово-развлекательный центр. А место, которое сейчас занимает интернат, подходит для него идеально, – дедуля замолчал, и я решила, что он выложил всю имеющуюся у него информацию.

– Из всего этого так и просится вывод о том, что у Волохова больше шансов забить сваи на Стрелковой, семнадцать.

– Ан нет! Характер у Федора железный. Он считает, что существует только две точки зрения – одна его, а другая ошибочная. И коль скоро он что-то решил, то другим смертным придется заткнуться. Кроме того, у него тесть в областной Думе сидит. Так что шансы у Волохова и Пилявского примерно одинаковые. Я думаю, что у второго даже поболее будут.

– Ясно, оба ждут не дождутся, когда закончится учебный год и интернат закроется. А мы тут с Самойленко занимаемся мышинной возней, ворошим историю, пишем какие-то письма... Теперь я понимаю, почему Светка Петина отказалась писать статью о сносе интерната. Похоже, ее шеф вразумил. И, скорее всего, они напугались реакции Пилявского, а не Волохова.

– Да, с Пилявским шутки плохи. Полетт, если смотреть правде в глаза, то судьба интерната решена, – подытожил Ариша и, желая меня как-то приободрить, добавил: – По-

моему, ты сделала в этом направлении все, что могла. Предпринимать что-то еще ради спасения интерната нет смысла. В конце концов, здание действительно ветхое, как бы беды не случилось... Вон сколько по стране пожаров в домах инвалидов и престарелых было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.